

Михаил Алексеев

КАПКАН ДЛЯ «ТАЙФУНА»

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Алексеев

Капкан для «Тайфуна»

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Алексеев М. Е.

Капкан для «Тайфуна» / М. Е. Алексеев — «Издательство АСТ»,
2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-112007-8

Операция «Тайфун» была лебединой песней вермахта. Никогда больше — ни до, ни после — не собирал германский Генштаб для выполнения задачи такие силы: группу армий «Центр» и три танковых группы. И в нашей истории этому плану сопутствовал успех. Быстрый и сокрушительный разгром трех советских фронтов открывал захватчикам путь на Москву. И только мужество бойцов и командиров вновь созданного Западного фронта и железная воля Жукова лишили врага такой возможности. Позже это назовут «русским военным чудом». Однако в истории окружения и разгрома Западного фронта существует момент, когда операция «Тайфун» могла бы пойти по другому сценарию. Наверно, отличия были бы незначительными, хотя и важными, если бы в ее ход не вмешались несколько случайных людей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112007-8

© Алексеев М. Е., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Михаил Алексеев

Капкан для «Тайфуна»

© Михаил Алексеев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

30 сентября 2016 года

35 километров южнее Вязьмы

– Блин! А я ведь честно опасался – вдруг грибов не будет? Друзья приехали, повез их в глушь, а грибов нет! Вот бы облажался! – воскликнул Трофимов, внимательно глядя на дорогу и крутя баранку своего «Таракана». – А тут такой подарок! Я столько грибов в жизни еще не видал! И особенно – подосиновиков!

Алексей Трофимов – индивид мужского пола 52 лет от роду, офицер запаса, пенсии не выслужил, поэтому работает в народном хозяйстве. Женат один раз и навсегда. Две взрослых дочери, внук и внучка двойняшки оставляют ему право считать, что не все так плохо было и есть в его жизни.

– Алексей Федорыч! Ты не мог ошибиться! Успокойся! Все отлично! Сейчас приедем, пожарим грибочков, достанем из холодильничка мою «Хортицу» и твоего «Бульбаша», и праздник продолжится! – со смехом успокаивал его сидящий справа Андрей.

Андрей Гладкий, его боевой товарищ и, как показала жизнь, друг. Дружба их началась в далеком 83-м году в стенах Голицынского пограничного, где по воле судьбы они и познакомились. И Алексей, и Андрей по жизни и характеру люди общительные. Хотя конкретно для профиля училища это качество является определяющим и совсем не удивительным. Наоборот, трудно представить себе замполита немногословным, молчаливым и замкнутым. Но сказать, что они были друзьями сразу же не разлей вода, было нельзя, хотя они и служили в одном отделении. Тогда. Просто жизнь идет и расставляет постепенно все по местам. Училищный друг Трофимова, с которым у него рядом четыре года стояли кровати, отдалился и не горел желанием поддерживать старую дружбу. И за эти годы они как-то и сблизились с Андреем. Вполне возможно, потому, что их общие четыре года на казарменном положении в училище были им одинаково дороги. Дороги тем чувством единения, общности и чувства уверенности в тех, кто стоит в строю с тобой плечом к плечу. Но не все товарищи по взводу разделяли подобное отношение к общему прошлому. Как сказал один из таких: «Было и было! Чего вспоминать и жить прошлым?» И такие не приезжали на встречи выпускников училища по круглым датам. А Алексей с Андреем не пропустили ни одной! Хотя нужно добавить существенную деталь – Трофимов жил недалеко от Москвы, а Андрей в ее пригороде и поэтому всегда был среди тех, кто организовывал эти встречи.

Но кроме этого, они ездили друг к другу в гости! Чаше приезжал Андрей с женой к Трофимовым в Вязьму. Алексей с женой реже, но связь не прерывалась и постоянно поддерживалась телефонными поздравлениями с праздниками и периодическим общением по скайпу. К тому же Андрей обладал редким даром – феноменальной памятью. Он помнил дни рождения всех сокурсников. Помнил, какого числа произошло то или иное событие и какая была погода. Поэтому никогда не забывал позвонить. Алексея в этом плане выручала жена – у нее была тоже хорошая память на числа и даты.

И вот Андрей с Инной приехали в гости. И приехали не просто так, а с желанием сходить по грибы. И с этой целью две семьи и поехали за шестьдесят километров от города, а конкретней – за деревню Хватов Завод. Знал там Трофимов грибные места. Что удивительно, ни один

он знал этот забытый всеми уголок района. Грибники там были всегда, но что значит десять-пятнадцать человек на несколько десятков квадратных километров непроходимых смоленских лесов? Места и грибов хватало всем и всегда. И сейчас Алексей был искренне рад, что все у них получилось! Они ехали домой счастливые и довольные, несмотря на низкое небо и мелкий моросящий дождик, не обращая внимания, что в тепле машины от мокрой одежды поднимался парок, что колени, обтянутые мокрыми штанами, никак не согреются.

А в немаленьком багажнике трофимовского «Таракана» громоздились ведра, рюкзаки, целлофановые пакеты и, как апофеоз жадности заядлых грибников, сделанные из рубашек Алексея и Андрея узлы с грибами. И даже мысль о том, что все это нужно будет сегодня почистить и переработать, не портила настроения. Сначала отпразднуем это событие, а потом все вместе сядем в кружок и перечистим все это великолепие, под приятные воспоминания, анекдоты и просто смешные истории.

С женами им обоим повезло. В лейтенантские годы среди офицеров гуляла поговорка, что жена офицера имеет звание на ступень выше звания мужа. Что имело подтверждение в реальной жизни: жена первого ротного командира Трофимова – капитана – точно была майором. И никак не меньше. В данном случае Трофимов в машине вез генеральшу – ввиду того, что Андрей только что ушел в запас в звании полковника ФСО. Значит, его жена Инна имела звание генерал-майора. Жене Трофимова Ларисе в этом вопросе «не повезло». Он не смог выполнить данное ей в молодости обещание, что она будет женой полковника. Так случилось, что в 91-м году оказался не там, где нужно, и не в то время. Служил он тогда в 27-й отдельной мотострелковой бригаде спецназа КГБ СССР. И после августовских событий, в которых бригада принимала активное участие, ему пришлось уволиться, не успев получить даже капитана. Таким образом, капитаном могла быть только его жена.

А по жизни Инна была заведующей библиотекой, а жена Алексея работала на железной дороге. Особенностью их семей было то, что они ими были с самого начала и по настоящий момент. То есть стаж их семей был более 30 лет каждая. Нельзя сказать, что это крайняя редкость, но все же не многие могут похвастаться таким точным выбором, сделанным так давно. Чья в этом заслуга – жен или Алексея с Андреем, сумевших найти тех единственных и на всю жизнь, – неизвестно. Учитывая, что женились они после третьего курса училища. Это уже три года казарменного, когда каждое увольнение – праздник! Каждая девушка – красавица! А каждая красавица, взглянувшая в твою сторону, – уже потенциальная жена! Плюс к этому на момент поступления в училище у Трофимова за спиной был почти год службы в погранвойсках, где единственными женщинами на заставе были жены двух офицеров и прапорщика. Остальное – телевизор. А Андрей успел до училища уже отслужить полтора года срочной.

Учились они на закрытом факультете, о котором в информации об училище для абитуриентов не говорилось ни слова. Готовили на этом факультете офицеров для двух смежных управлений КГБ, не связанных со спецификой пограничных войск. Но преподаватели всех общевоинских дисциплин были офицеры с пограничного факультета, и обучали их с таким же тщанием, как и будущих пограничников. Поэтому зеленые фуражки они могли носить с полным правом и соответствующим достоинством. До выпуска. После выпуска – форма и цвет погон менялся в соответствии с распределением.

С точки зрения вообще военных училищ СССР их учебный взвод был своеобразный – из тридцати набранных в него двадцать пять были солдатами и сержантами, и лишь пятеро были пацанами с гражданки. Причем из этих двадцати пяти двое уже отслужили по два года. Но конкретно для их факультета это было нормой.

И в связи с этим можно было представить, как корчило парней от спермотоксикоза, давило на уши при виде любой девушки. И какой шанс был ошибиться!

Но они сумели! Может, благодаря своим головам, а может, благодаря восприятию ими замполитовского воспитания.

И вот так радостно обсуждая итоги грибной охоты и предвкушая ждущее застолье, они и ехали по проселочной дороге по направлению к Хватову Заводу, где начинался асфальт. Дорога под мелким, идущим целый день дождичком размокла, однако пока держала машину. Проблемой становилось то, что глина, из которой и состояла собственно дорога, намокла и стала скользкой. Поэтому стало сложнее ехать – рытвины Трофимов старался проходить по вершинам между колеями, и машина часто соскальзывала в колею. Но заранее подключенный передний мост и включенная блокировка позволяли его старенькому «Таракану» пока преодолевать эти препятствия одно за другим.

Оставалось метров двести до когда-то в 80-е годы отсыпанного и брошенного участка дороги, где уже можно было расслабиться, когда Алексей подъехал к очередной небольшой рытвине. Небольшой она была, когда они ехали в лес. Сейчас, судя по следам, незадолго до них тут кто-то уже боролся с этим препятствием. И эти следы говорили – этого кого-то выдергивал «Беларус». При этом значительно углубив колеи и проломив верхний твердый слой дороги.

Алексей остановил машину, прикидывая шансы проскочить и размышляя, что делать и кого звать, если засядет. А этого очень не хотелось. Хотелось домой и к столу.

Время на момент выезда из леса было примерно 15 часов. Сейчас, значит, около половины четвертого. До темноты не так уж и много времени.

Решился! В голове в очередной раз, как всегда в подобных ситуациях, мелькнула мысль, почему он не ездит летом на уазовской резине. Сейчас она бы была гораздо более к месту, нежели та шоссейная, что стояла на «Таракане».

Удалось проскочить половину лужи, когда «Таракан» днищем или мостами ударился о скрытый под водой гребень колеи, взревел дизелем и прополз на брюхе еще метра два. После чего встал.

– Все! Приехали! Здравствуйте, девочки! – со злостью сказал Трофимов и открыл дверь. Выйти из машины можно было только прыжком через лужу.

Захлопнул дверь, полез в карман за мобилой.

– Леша, может, раскатаем? – переспросил Андрей. Дамы молчали. И это в данный момент было правильно.

– Не раскатаем. Автомат. С ним не раскатаешь. Сейчас буду другу звонить. У него «Санта Фе». Очень надеюсь, что он дома.

Ему и всем им повезло – Сергей был дома, его мобильник отозвался, и оставалось только дожидаться, когда он подъедет. Было опасение, найдет ли он их, но, во-первых, дорог тут, мягко говоря, мало, если не сказать нет вообще, и во-вторых, великое достижение конца XX-го столетия – сотовая связь в данном месте была уверенной.

Пока они коротали время и развлекались старыми бородатыми анекдотами и смешными случаями из жизни, можно рассказать, кто такой Сергей.

Сергей Богомолов – такой же офицер-отставник, капитан, правда послуживший и в РА (вот всегда не нравилась эта аббревиатура Российской армии, так и лезет в строку РОА; вот оно – «проклятое» советское воспитание!), ветеран Первой чеченской. Судьба свела их с Трофимовым в середине лихих 90-х. И хотя каждый жил своей жизнью, будни которой не пересекались, дружба их каким-то невероятным образом крепла из года в год, связывая все большим количеством нитей. И когда становилось трудно, Алексей звонил ему. И наоборот. «Друг – понятие круглосуточное», – говорил Сергей.

Итак, они коротали время, когда появился знакомый Трофимовым «Хундай». Алексей, матюкнувшись вполголоса, вылез из машины прямо в лужу, решив, что рискованные прыжки в длину через лужу не его выбор. Подошел к Сергею, поздоровался. Из кабины приветливо помахала рукой ему жена Сергея Ольга.

– Чем больше джип, тем дальше идти за трактором! – приветствовал компанию Сергей. – Захотели покататься?

После чего критично осмотрел «Таракан» и, показав на частично скрытый водой бампер, спросил:

– М-да! Как цеплять-то трос будешь?

– Ну что поделать? Терять-то уже нечего, – кивнув на мокрые до колен штаны, ответил Леша и полез в багажник за тросом и ключами. Для этого пришлось вынуть почти все грибы.

Далее, стоя уже по колено в луже, пришлось еще и по локти в нее погрузить руки, чтобы зацепить трос за буксировочный крюк.

– Да, Лех! Эти ковбои, что здесь нарысачили, дальше еще хуже яму сделали. Вопрос, а проедем ли мы там, если ты тут сел?

– Ну ты ж только что проехал!

– Ну так и ты сюда тоже как-то проехал. Дождик маленький, но льет беспрерывно. То, что получилось один раз, вовсе не значит, что получится во второй.

– Тогда не расцепляемся. Если ты сядешь – я тебя выдерну назад.

Алексей забрался в машину, вылил воду из сапог и запустил двигатель.

«Санта Фе» Сергея пыхнул соляркой, уперся и, закидывая «Таракан» грязью из-под буксующих колес, потянул его из лужи. Кстати, не так уж и много они не доехали до твердого дна.

Выбрались из лужи и поехали! Но не далеко. Ровно до следующей. В самый неподходящий момент, когда преодолевали препятствие, трос натянулся и дернул «Санта Фе» со скользких межколеиных холмиков. «Санта Фе» с брызгами шлепнулся в колею и повис на брюхе точно так, как только что висел «Таракан». Попытались сдать назад, но не успешно. Машины только углубили ямы под колесами. Объехать и попытаться дернуть «Санта Фе» спереди возможности не было.

– Вот же ссу... ровая женщина! Покатались, блин! – вылез из машины Сергей. – Кто пойдет за трактором? Точно не я.

– М-да! Придется попытаться задействовать джокер, – вздохнул Алексей и снова полез за мобилой.

Джокером был для них в этой ситуации начальник Алексея, который будучи энергетиком по образованию и должности, в душе всегда был, как образно выразился один их общий друг, водителем-дальнобойщиком. Этот эпитет Александр Сараев заслужил за постоянную готовность куда-либо ехать и желательно далеко.

Однако работа не давала развернуться его душе во всю ширь и высь, и его сущность трансформировалась в особое отношение к автомобилям. Он был фанатом автобусов «транспортер», и это была его разъездная машина на каждый день. Однако кроме этого он по случаю купил и переделал в базы манипуляторов ЗиЛ-131, «Урал» и вездеход КамаЗ, на которых иногда подрабатывал в свободное время, и, что немаловажно, которые в аварийных случаях всегда подкрепляли своей мощью автотранспорт подразделения энергосистемы, где главным инженером был Сараев.

И сейчас Алексей в душе молил только об одном – чтобы мобила начальника ответила. Видимо, мольбы были услышаны на небесах, и, получив от Александра заверения, что через полтора-два часа он отзвонится, как подъедет к Хватову Заводу, Леша повеселел и спрятал телефон в карман.

А пока он представил своих друзей друг другу, и они, собравшись на обочине, продолжили коротать время за анекдотами и веселыми историями из жизни. Дождик прекратился, сделав свое черное дело.

Когда долгожданный «Урал» показался на дороге, уже начало темнеть. Александр, наплевав на колеи и грязь, развернулся, сдав поближе к застрявшим машинам, заглушил двигатель, вылез из кабины и направился к ним. В ближайшие пять минут слышался только его голос. Алексей и Сергей узнали много нового о себе как о водителях и т. д. и т. п. В ответ можно было только подсмеиваться – факт был налицо, и крыть его было нечем. Когда эмоции утихли

и все готовы были перейти к практическим действиям по вытаскиванию машин, у Александра появилась идея.

– На хрена я вас буду тащить по этим колеям? Глина на дороге скользкая, из колеи машины не вылезут. Значит, я буду тащить их на брюхе еще как минимум метров сто. Машины ваши, мне их не жалко, а вам? – задал он вопрос. – Вон от этой дороги отходит старая, брошенная, но не убитая дорога. Вот по ней и потащу вас в сторону деревни. Тут больше и ехать некуда.

Спорить со спасителем не имело смысла, он был прав на все сто.

Народ снова забрался в машины, завелись двигатели, и «Урал», не напрягаясь, потянул джипы в сторону мелколесья и едва видимой старой дороги.

Действительно, она давно не использовалась. Хотя что значит давно? По опыту работы в энергосистеме Смоленской области Алексею было известно, что после очистки просеки под ЛЭП, причем очистки бульдозерными ножами под ноль, проходит лет десять, и подлесок снова начинает создавать проблемы для линии. Тут колея была видна явственно и только-только начала зарастать. Дорога шла параллельно той, по которой они приехали сюда, и, ввиду заброшенности, была более проходима. Выхав из грязи, отцепили буксиры.

Ехали недолго. Минут десять. И подъехали к неизвестному броду. У неизвестной деревни. Но это они рассмотрели потом. Позже. А сначала просто остановились вслед за остановившимся «Уралом». Что происходило впереди, было не видно, просто слышно, как Александр на кого-то орет, но слов из-за шума работающих двигателей было не разобрать. А потом грохнул выстрел! Когда Алексей, открыв дверь, выскакивал из автомобиля, Сергей уже слева оббежал «Урал». Чисто инстинктивно Трофимов побежал справа от него.

Перед «Уралом» стоял Александр и смотрел на человека на дороге перед ним. Судя по всему, стрелял именно этот человек. Стрелял в воздух. Из трехлинейки. С примкнутым штыком. И глядя на его одежду, было понятно, что винтовка его. Потому что именно трехлинейкой и должен быть вооружен красноармеец. Вживую Трофимов красноармейцев никогда не видел. Он родился почти через двадцать лет после войны. Но дедовы фотографии и советские фильмы про войну не оставляли других вариантов для мыслей. Правда, дед у него воевал еще на Финской и на фотографии был в буденновском шлеме, а этот – в пилотке не по размеру. В данный момент дорогу им перекрывал тщедушный боец в пилотке на ушах, на вид лет восемнадцати-девятнадцати, с перевязанной грязными бинтами шеей, в шинели размера на два больше нужного и в ботинках с обмотками. Обалдели все! Боец находился в таком же состоянии. Но кроме этого, он их боялся! Этот страх на грани паники читался в его глазах. И это было опасно.

– Реконструктор, ты весьма убедителен! Но мы не по вашей теме. Нам домой ехать надо, – произнес Сергей, внимательно глядя на бойца.

– Что тут у нас происходит? – сзади подошел Андрей вместе со всеми тремя дамами.

В этот момент Алексей почувствовал, что боец передумал применять направленное на них оружие. Пока передумал! Женщины, годившиеся ему однозначно в матери, выпадали из сложившейся в его голове схемы.

– Да вот, товарищ полковник, боец на посту, – иронично пояснил Алексей Андрею ситуацию, пытаясь разрядить обстановку. И тут на сцене появились новые действующие лица.

Из-за брода с горочки к ним спускалась уже группа реконструкторов, возглавляемых персонажем старшины. По крайней мере, Алексей так решил, глядя на человека с усами, аутентичной фуражке, галифе и с командирской сумкой на боку. И наганом в руке. Очень он напоминал старшину Васкова из знаменитого советского фильма «А зори здесь тихие». Сзади с винтовками наперевес следовало еще пять «красноармейцев» разного возраста и формы одежды. Объединяло их одно – все, кроме старшины, имели бинты на различных частях тела. И еще отсутствие погон и наличие знаков различий в петлицах гимнастеров и шинелей. Вот спросить, откуда ни разу в жизни не сталкивавшись, можно увидеть столько особенностей в форме про-

шлых лет? Нет! Конечно, опыт службы и солдатом, и офицером имеет место быть. Но форма-то другая! А во всем виноват великий советский кинематограф! Хотя никто из их поколения и не был на Великой Отечественной, а, как говорится, всех там знаем!

– Bravo! Bravo! Вы выглядите на шесть баллов по пятибалльной системе! Прямо как живые красноармейцы! – воскликнул Андрей.

– Да уж, блин! Не придерешься! Если у вас так же и немцы выглядят, нужно опасаться за чистоту штанов! – поддержал его Трофимов.

– А ну-ка! Руки все подняли! Быстро! – прервал веселье старшина.

– И что будет, если не поднимем? – начал вскипать Александр.

Бах! Бах! – грохнул два раза наган.

Леша мог бы поклясться, что услышал свист пуль над их головами. Как-то это ему переставало нравиться.

– Дырка в голове будет. Или не в голове, но я думаю, тебе все равно не понравится, – ответил старшина. – Кто такие? Откуда? Документы!

Бойцы старшины стали полукругом в отдалении за старшиной, но стволы винтовок смотрели в сторону их компании, и, насколько можно было судить по их лицам, если что-то пойдет не так, они будут стрелять.

– Может, для начала вы представитесь? Кто такие? Почему стреляли? На каком основании? И вообще, что происходит? – проявил командирские качества полковник Гладкий. – Я – полковник в отставке Гладкий Андрей Александрович.

Старшина внимательно оглядел его и всех остальных. Трофимов тоже прошелся взглядом по своим друзьям.

Александр в джинсах и старой куртке «МРСК-Центра», Сергей тоже в джинсах и легкой кожанке, Ольга в свитере и тоже джинсах, и оставшиеся четверо в разной степени укомплектованности камуфляжах разных расцветок.

«С нашей точки зрения, вполне по условиям и погоде, – подумал он и, усмехнувшись про себя, продолжил: – А вот с точки зрения каких-нибудь красноармейцев 40-х годов не столь однозначно. Особенно наш камуфляж».

– Вопросы здесь задаю я! – набычился старшина. И все же добавил: – Армейский госпиталь, 20-я Армия. Старший команды выздоравливающих старшина Смирнов.

– Хорошо! Вот мои документы. У остальных – документы в машинах, – протягивая старшине корочки ветерана ФСО и оглядываясь на товарищей, произнес Андрей.

– Эй! Не балуйте! – кося одним глазом в удостоверение Андрея, предупредил старшина. – Я сам подойду!

И, уже обернувшись к своим, предупредил:

– Смотрите там! Если что... ну, сами знаете!

Надо отметить, что его бойцы, кстати, пялились на наши машины гораздо больше, нежели наблюдали за нами. «Машин не видели, что ли?» – подумал Алексей.

Судя по его лицу, старшина в удостоверении Андрея не нашел, чего ожидал. В течение десяти минут он просмотрел все имеющиеся документы. И совершенно неожиданно сложил их все в свою планшетку.

– Не понял! – воскликнул Трофимов.

– Особый отдел армии разберется. А сейчас вы все задержаны до выяснения ваших личностей. И не вздумайте чего-либо... Стреляем мы, может, и не очень метко, зато больно попадаем! – ответил старшина и, отойдя в сторону, махнул рукой в сторону деревни, предлагая идти.

Тут есть один момент. Трофимов по жизни любил читать. Ну не только читать, но это самое его длительное хобби. Причем у него были предпочтения – он любил историю и фантастику. Всю жизнь читал все это порознь и совершенствовался по отдельности в каждом

направлении. В юности перелопатил все три поселковых библиотеки, познав всех основных классиков нашей и зарубежной фантастики. Одновременно с этим одолел мемуары советских военачальников о Великой Отечественной войне. Учеба в политическом училище, где история была одним из основных предметов, и опыт собственной службы подняли его уровень знаний и понимания сего предмета сразу на несколько ступеней. Развал Союза, поток мемуаров немецких генералов, «наша» и «не наша» аналитика позволила отсеять из этих знаний шелуху самовосхваления авторов мемуаров с обеих сторон и выкристаллизовать более-менее правдоподобную историю Великой Отечественной. Пришлось перелопатить сотни материалов, сравнивая видение тех или иных событий с обеих сторон. На это ушло примерно лет пятнадцать, но зато теперь он знал картину в целом. Частности, неизвестные ему, конечно, были, и много, но они никак не могли существенно влиять на общую картину восприятия этой войны. И он уже начал успокаиваться, но тут попал на тему «попаданцев». Случилось невероятное! Его две разделенные любви к истории и фантастике объединились! И он, образно говоря, подсел на эту литературу. Сначала читал все подряд. Потом начал разделять для себя авторов, и понял, что принадлежит к течению «заклепочников». Это те, для которых технические соответствия так же важны, как и сюжет. Начал участвовать в срачах на страницах авторов на Самиздате, переписываться с некоторыми из них, попал на литературный форум. И там однажды в споре ему был предъявлен жесткий аргумент: «Тебе не нравится, как написано? Напиши сам!»

И однажды написал. Написал, что называется, в стол. Для себя, своего самомнения и для друзей. Но ему полгода пришлось для этого лопатить Интернет в подборе материала для книги. Только подбор занял полгода!

И это значительно обогатило его познания в истории Великой Отечественной войны. И вот сейчас, глядя на старшину и красноармейцев, их реакцию на них и машины, на соломенные крыши стоящей над речкой деревни, которая ну никак не могла быть населенным пунктом Хватов Завод, каким он его знал, Алексей испытал озарение. Разум и логика боролись с этим, но чувства говорили об обратном.

– Стойте! Одну минуту! Старшина! Ответьте на один вопрос: какое сегодня число?

– Тридцатое сентября, – чуть помедлив, ответил старшина.

– А год какой?

– Обычный, сорок первый, – продолжил он.

В таких случаях говорят «Пускайте муху!». Вместо мух звенели комары.

– Во попали! – прервал паузу Александр.

В отличие от своих спутников, Трофимов испытал в определенной степени облегчение. Во-первых, сомнения отпали и смутные догадки подтвердились. Во-вторых, закончилась временная неопределенность. Была подспудная мысль, а смогут ли они попасть обратно, или это билет в один конец, но ее он пока отбросил. Сейчас нужно было сосредоточиться на том, чтобы не пропасть. Сейчас и здесь. А есть ли путь назад, этот вопрос будем решать позже.

– Товарищ старшина! Вам необходимо немедленно сообщить о нас в особый отдел 20-й Армии. Крайне желательно лично майору ГБ Воистинову.

– А с чего вы решили, что такие важные птицы? Сейчас чуть постреляем, доложим начальству, что группу диверсантов уничтожили. Глядишь, нам и спасибо скажут.

– Ага! Скажут! А потом догонят и еще раз скажут. Застрелить нас вы, конечно, можете. Это не проблема. Оружия у нас нет. Сопrotивления мы оказать не сможем. Но! Первое. В любом случае, хотите вы этого или нет, информация о нас до особого отдела дойдет. Или проговорится кто, или, что более вероятно, вы и ваши люди возьмете наши вещи. А по-другому и быть не может. Жаба не допустит.

– Что за жаба?

– Это вам на допросе в ГБ объяснят. Таких вещей, как у нас, вы тут больше нигде не найдете. И второе. Машины. С машинами та же песня, что и с вещами. Только их вообще

спрятать трудно, плюс без нас ими почти никто воспользоваться по назначению не сможет. И вот подумайте, вам нужна такая жизненная перспектива? А в случае передачи нас особистам свое желанное «спасибо» вы получите точно. Это как минимум.

Старшина дернулся, но промолчал. Потом, глядя на Алексея, отдал команду:

– Васильев! Этих обыскать. Потом... в сельсовет! Никого не выпускать, никого не подпускать. Если что, стрелять на поражение! Машины отогнать в кусты на околице и замаскировать. Федяев! За машины отвечаешь ты. Все то же самое, что и с людьми – никого и никому!

Обыскали их достаточно неумело и вежливо. Дамы просто показали вывернутые карманы. Пришлось всем сдать и мобильники, предварительно выключив их.

Дальше состоялся небольшой цирк. Когда конвоиры уже скомандовали выдвигаться нам в деревню, Трофимов поспорил со старшиной, на две Андреевых сигареты, что без них они машины не перегонят. С его стороны было туманное желание ответа на один вопрос.

Старшина согласился. Как поет Коля Расторгуев, «на фронте водка, махорка в цене».

Пришел некий боец с прозвищем Колька-шофер и сразу полез в стоящий первым «Урал». И стал что-то внимательно разглядывать в районе педалей. Трофимов вспомнил, что он там искал. Педаль стартера. Машины тех времен заводились без ключа, сразу стартером, либо «кривым стартером». Это, конечно, тоже грузовик, но этот заводится ключом. Который лежал у Александра в кармане. Кстати, пока шли эти все дебаты, наши разговорчивые в обычной жизни подруги благоразумно молчали. Только побледнели, когда услышали дату. Правда, и мужики отреагировали таким же образом. Повозившись в кабине «Урала», Колька-шофер сконфуженно выбрался из кабины. Далее он приступил к Серегину франту – черному «Санта Фе». Серега, увидев его, заорал: «Куда, воин! С такой грязной жопой!» – и нажал сигналку. Замки щелкнули. Замки «Таракана» щелкнули секундой позже. Колька-шофер поочередно подергал все двери и вопросительно уставился на старшину. Тот ощерился:

– Ща вот прикладом по стеклам!

– Пусть себе под задницу чего-нибудь положит, – подсказал Алексей.

Старшина кивнул шоферу, тот снял фуфайку и свернул ее внутренней стороной наружу. Х/б было приемлемой чистоты. Все ж армейский госпиталь – это не окопы.

Сигналка пропищала, замки снова щелкнули. Боец открыл водительскую дверь, положил фуфайку на сиденье, сел. Минуту смотрел на панель приборов, потом тупо смотрел на две педали, понажимал их, перевел глаза на рычаг переключения передач, попытался его подвигать. Он двигался не так, как он привык и как он рассчитывал. Снова стал смотреть куда-то на педали.

Через две минуты он выполз из кабины и беспомощно посмотрел на старшину. Тот с сожалением буркнул:

– Проиграл, спрашивай.

– Пока один вопрос. Место. Где мы?

– Деревня Хватов Завод. Под Вязьмой.

Трофимов повеселел. Не из-за того, что это время и место сильно облегчило их участь. И тем более не прояснило, как и почему они сюда попали, но хоть есть за что зацепиться.

– Товарищ полковник! – официально обратился он к Андрею. – Угостите товарищей красноармейцев и... кхм... водителя Колю сигаретами.

Шесть сигарет улучшили настроение их конвоя и после совместного перекура они затолкались в машины и двинулись в деревню. Конвой расположился в кузове «Урала». Загнав машины в кусты, чтобы не было их видно с дороги и от деревни, и оставив часового, грибки с неким подобием конвоя отправились в деревню. Перед тем как зайти в сельсовет, им разрешили воспользоваться «удобствами», стоящими за ним. Охраняли без фанатизма. Они, в свою очередь, отдали конвою грибы, попросив, когда сварят или пожарят, учесть и их.

Сельсовет представлял собой приличных размеров избу, разгороженную на несколько комнат, в одну из которых их и поместили. С ними остались два бойца. Один расположился у дверей, другой у окна. Еще один ходил под окном, виден был штык его винтовки. В комнату принесли табуреты, на которых и расположились. Когда заходили в комнату, в смежном помещении за столом сидел невысокий в годах мужик, с интересом разглядывающий незнакомцев. Возможно, это и был председатель сельсовета, потому что именно к его столу с телефоном и направился старшина. В течение следующих двадцати минут они слышали, мягко говоря, общение старшины с разными чинами по телефону. Сцена из советской классики «Волга-Волга»:

«...возьми телефон – говорить будем», – просто рвалась с языка. Но было как-то не до шуток.

Алексей сидел рядом с женой. Она обхватила его левую руку и, прижавшись к нему, прошептала:

– А как же наши внуки?

Он сжал ее ладонь и, в свою очередь, прошептал:

– Разберемся!

Остальное время все молчали.

1 октября 1941 года

Тыл 20-й Армии Западного фронта

Лейтенант особого отдела 20-й Армии с типично русской фамилией Иванов и такой же типичной внешностью и два сотрудника отдела ехали в деревеньку Хватов Завод. Что было совсем некстати, лейтенант был крайне измотан. А еще предстояло писать отчеты за последние три дня, которые он провел в частях армии. По директиве из штаба фронта ожидалось наступление немцев. Что подтверждалось увеличением количества забрасываемых диверсантов, активизацией их разведсети в тылу Западного фронта. И тут этот звонок из армейского госпиталя! Ну кого могла задержать группа выздоравливающих, возглавляемая старшиной подразделения обеспечения госпиталя, в тылу армии при выезде за получением продовольствия в один из местных колхозов? Война уже шла три с половиной месяца, и иллюзии насчет немцев у большинства красноармейцев и командиров исчезли. Быстрой победы не предвиделось. Пока что Красной Армии похвастаться было нечем. Войска отступали, истекая кровью. До Москвы оставалось чуть более трехсот километров.

Но именно эта несуразность – задержание несколькими ранеными группы диверсантов из семи человек на трех машинах и требование одного из них приезда начальника особого отдела 20-й Армии майора ГБ Воистинова – и заставила последнего отправить его туда. Предупредив быть внимательным и на месте разобраться с серьезностью ситуации. Потому что семь диверсантов разделились бы с «войском» старшины походя. И дай бог, чтобы потом смогли найти их тела. Если же они действовали под прикрытием наших документов, то уж точно старшина из госпиталя не смог бы выявить подделку. Скорей бы они его построили и еще использовали бы в своих целях. И самое главное – почему один из задержанных назвал именно его фамилию?

И сейчас лейтенант, пользуясь случаем, спал в машине, откинувшись на заднем диване «эмки». И даже кочки и ямы, сопровождаемые матом их водителя сквозь зубы, не могли потревожить его сон.

Когда он вылезал из машины в Хватовом Заводе, то поймал себя на мысли, что даже не понял – спал ли он? Тело затекло от неудобного положения, и он сделал несколько энергичных движений, разгоняя и сон, и кровь.

– Где они? – представившись, спросил он вынырнувшего из темноты в свете фар старшину. Тот представился в свою очередь и указал на темнеющую рядом избу. По тени шевельнувшегося от ветра над крыльцом флага Иванов понял, что это сельсовет.

Прошли внутрь. На столе у телефона светила керосиновая лампа. С улицы света было не видно. Хорошо соблюдают светомаскировку, с одобрением оценил лейтенант.

– Обыскивали? Оружие при них было?

– Никак нет. То есть оружия не было. А обыскивать... Мужчин обыскивали. Женщин... так... посмотрели. Документы они сразу отдали.

– Документы и что там при них было – сюда на стол.

Старшина вывалил из сумки кучку документов и каких-то маленьких коробочек с кнопками и темными стеклами. Лейтенант осмотрел их, чисто интуитивно предполагая, что это, по-видимому, необычные радиостанции. Причем их было ровно столько, сколько человек в этой группе. То есть у каждого. И все они были разные. Но на всех были надписи на латинице.

«А вот и след, – с удовлетворением подумал он, – начальник, похоже, преувеличил сложность задания».

Документы также добавили аргументов в пользу иностранного происхождения этих людей. Хотя часть их добавила больше вопросов, чем ответов. Эти документы Иванов отложил на потом.

А вот машины озадачили. Ничего подобного лейтенанту видеть ранее не приходилось. Грузовик был огромен. Две легковых машины были явно не военными. И все они оказались закрытыми. Ломать замки не хотелось. Часовой пояснил, что «чужие», прежде чем уходить, что-то нажали на ключах от машин, те в ответ пикнули, моргнули фарами, замки щелкнули и закрылись. А грузовик закрыли на ключ. Иванов отправил бойца, чтобы привели одного из задержанных с ключами.

Им оказался водитель и владелец грузовика. Он открыл кабину и рассказал о машине. Как ни странно было слышать, но это была советская машина.

После осмотра машин водитель «эмки» особого отдела клятвенно заявил, что ничего подобного из того, что в них было, он не то что не видел, а даже представить себе не мог. В одной из машин нашли толстую инструкцию по обслуживанию и ремонту на русском языке. Машина, которая там была описана, выпускалась с 2000-го по 2006 год. Инструкцию Иванов тоже изъясил.

Возвращаясь в деревню, лейтенант пришел к выводу, что в этой истории не все так однозначно и просто, как казалось ему вначале. А значит, с выводами торопиться не нужно.

– Ну, давай, старшина, посмотрим на этих диверсантов, – обратился он к старшине, входя в сельсовет. Задержанного, который открывал машины, пока оставили в коридоре под надзором двух бойцов. Старшина взял лампу в руки и подошел к двери, у которой стоял с винтовкой у ноги легкораненый красноармеец. Толкнув незапертую дверь рукой, старшина, а вслед за ним Иванов вошли в комнату. Сотрудники остались у открытых дверей. Когда дверь открывалась, в комнате раздался шум, и лейтенант напрягся, открыв кобуру и взявшись за рукоять ТТ. Когда же лампа осветила комнату, картина стала ясна. Шумели два бойца, поднимаясь с лавок. Один у окна, другой у стены справа. На подоконнике, у закрытого светомаскировкой окна стояла такая же лампа, но с малым огнем. У стены слева, напротив него, на табуретах расположилась пестрая и необычная компания. Три крупных мужчины и три женщины. Все в годах, на диверсантов, работающих в поле, не похожи совсем. Женщины, видно, спали, привалившись к стене, и сейчас протирали глаза. Сидели интересно. Явно три пары. Одеты были странно и необычно. Даже камуфлированные костюмы, похожие на те, которые обычно использовала немецкая разведка, были однозначно незнакомыми. Гражданская одежда была столь же необычна.

– Почему у них свободны руки? – не сводя глаз с задержанных, спросил лейтенант у старшины.

– Так... они, товарищ лейтенант, и фамилию начальника особого отдела назвали. И вообще... вели себя смирно, – растерялся старшина.

Старшина под взглядом лейтенанта ГБ как бы стал меньше ростом. Его бойцы даже не дышали.

– Один момент! – обратился к лейтенанту и встал плотный мужчина с небольшой бородой и в камуфляже. Лейтенант сделал шаг назад и потянул ТТ из кобуры. А его сопровождающие уже держали всю компанию под прицелом.

– Не надо торопиться! Ошибка будет непоправимой и для нас, и для вас. И результат одинаково печальный. Для всех присутствующих здесь. Поверьте мне, – произнес вставший.

– Не находите, что вы не в том положении, чтобы ставить условия?

– Совершенно верно! Поэтому предлагаю поступить, как говорится, по регламенту. Возьмите у старшины наши документы и меня. Только говорить я буду без посторонних. Можете мне связать руки, если опасаетесь. Я готов ответить на все ваши вопросы и дать исчерпывающие, на мой взгляд, ответы.

И, усмехнувшись, добавил:

– У вас будет фантастический вечер. О подобном вы даже и мечтать не могли.

Лейтенант задумался. В такой ситуации он был впервые. Странные люди, странная одежда, странное поведение. Все настолько не типично для его опыта. Это все мешало решить вопрос привычным способом – допрос с пристрастием в полевых условиях. Особенно с учетом инструкций, данных начальником особого отдела.

Поколебавшись, лейтенант Иванов начал раздавать распоряжения. Передав ему документы задержанных, старшина и его бойцы метнулись исполнять. Для допроса или беседы – лейтенант так и не пришел к определенному мнению, что это будет – решили открыть правление колхоза, предварительно завесив его окна. У входных дверей Иванов поставил сотрудника, второй расположился на улице под окном.

Старшине было приказано организовать ужин для всех, включая задержанных, которые так и остались в той же комнате с той же охраной.

– Итак, для начала представимся друг другу, – начал разговор незнакомец, сразу взяв инициативу в свои руки, – чтобы определить формат и объем общения. Так как мы играем на вашем поле, первым начну я. Я – полковник в отставке Федеральной службы безопасности Российской Федерации Гладкий Андрей Александрович, 1963 года рождения. Документы мои находятся у вас. Поясняю, Федеральная служба безопасности – это служба, выросшая из структуры Комитета государственной безопасности СССР, в коем и начиналась моя служба. А Комитет, в свою очередь, является наследником НКВД, точнее ГУГБ. То есть в некоторой степени мы – коллеги.

Как мы попали сюда, нам неизвестно. Мы 30 сентября 2016 года с семьей Трофимовых приехали в район деревни Хватов Завод за грибами. Шел дождь. На обратном пути засели. Трофимов вызвал на помощь товарищей. Сначала Богомолова. Тот не смог помочь, и с ним приключилась та же беда, что и с нами. Потом вызвали Сараева на грузовике. Ехали по старой заброшенной дороге и каким-то невероятным образом оказались в том же месте, но на 75 лет ранее. То есть в прошлом. По этому вопросу я добавить ничего не могу. Как и почему мы тут оказались – мне так же непонятно, как и вам. Теперь хотелось бы узнать, кто вы и каковы ваши полномочия. Исходя из вашего поведения, я сделал вывод, что относительно нас вам даны особые указания? И еще что-то подсказывает мне, что информация, которую вы здесь и сейчас узнаете, в ближайшие дни, если не часы, получит гриф «особой важности». Поэтому вам листочки для ведения протокола допроса лучше сейчас убрать. Во избежание, так сказать... Просто пообщаемся, и я думаю, в ходе нашей с вами беседы вы сами поймете, что я прав. И что для принятия решения обо мне и моих товарищах, думаю, что не ошибусь, даже полномочий и начальника особого отдела фронта будет недостаточно.

И Гладкий замолчал, выжидательно глядя на Иванова. Тот молчал, разглядывая документы Гладкого и пытаясь осознать информацию.

«М-да... допустим, это игра. Но в чем смысл ее? Информация настолько необычна, что выводов сделать невозможно. Поверить им? Или не верить? Но факты подтверждают их фантастическую версию. Хорошо! Пойдем по этой версии. Будем искать ошибки и зацепки. Раз не вписываются они в приемлемые варианты», – раздумывал лейтенант.

– Хорошо. Я – лейтенант Иванов, особый отдел 20-й Армии. Действительно, ваша группа и все, что с ней связано, не обычный случай. Допустим, я вам верю. Но это всего лишь допущение. Согласитесь, ситуация фантастическая. И ее достоверность нужно доказать, причем доказательства должны быть железобетонными. На данный момент факты следующие: имеется группа людей в тылу армии, необычно одетых, имеющих необычные документы, необычные машины и настолько же необычное объяснение появления их здесь. На мой взгляд, этого недостаточно. Хотя, не скрою, машины ваши озадачили. Что можете сказать вот об этих устройствах? Удивите меня, скажите, что это не радиостанции.

Лейтенант вытащил черные коробочки из ящика и разложил их на столе.

– Скажу. Это не радиостанции. Это телефоны. Мобильные телефоны. Но! Тут я согласен с вами, в основе их работы лежит радиосвязь.

– И с кем вы должны по ним связываться? – лейтенант закурил и подвинул пачку папирос Гладкому.

– Здесь они работать не могут. Нет базовой станции. Такая связь, которую используют эти телефоны, здесь просто еще не существует. Согласитесь, для телефонов они выглядят крайне необычно, – ответил Гладкий, прикуривая папиросу. Закашлялся. – Ух! Давно я не курил папиросы. Со времен срочной службы. Следующие курим мои. Кстати, из всей нашей компании наиболее полезен вам будет Трофимов. Как человек, обладающий наиболее объемными и конкретными знаниями о происходящих здесь и сейчас событиях, – закончил Гладкий свое повествование, одновременно туша папиросу в пепельнице.

– Насколько вы хорошо его знаете?

– Да уже тридцать четыре года. Мы вместе учились в одном училище.

– Это... – и Иванов зачитал название училища из документа под названием «Военный билет офицера запаса Вооруженных сил». – Кстати, я тоже закончил политическое училище погранвойск. Точнее, войск НКВД.

– Ново-Петергофское?

– Да. Полное название Ново-Петергофское военно-политическое... – начал Иванов.

– ...училище войск НКВД имени К. Е. Ворошилова, – закончил вместе с ним образованный Гладкий. – А теперь называю училище, которое закончили мы с Трофимовым – Высшее пограничное военно-политическое ордена Октябрьской Революции Краснознаменное училище КГБ СССР имени К. Е. Ворошилова! Училище, являющееся правопреемником Ново-Петергофского военно-политического училища войск НКВД имени К. Е. Ворошилова. Получается, мы из одного училища!

Следующие тридцать минут Гладкий рассказывал Иванову историю училища от сорок первого года и далее. Не забыв рассказать о Дне Победы.

Потом Иванов попросил старшину привести Трофимова... В общем, остановились, когда кончились сигареты и папиросы, все трое уже устали говорить, в комнате клубился табачный дым, и некурящий Трофимов шурился слезящимися глазами.

Обдумав положение, Иванов отверг вариант везти и задержанных, и их машины на КП армии в деревню Дежино западнее Дорогобужа. Сто двадцать километров по тылам армии, о секретности можно забыть. Особенно в свете того, что Трофимов прозрачно намекнул, что с ними надо все делать быстро, немцы тут будут скоро.

Глубокая ночь, но нужно звонить начальству. Лейтенант уже понял, что его возможности управления ситуацией в этих условиях исчерпаны. Максимум, что он еще может и должен сделать, это взять под контроль всех, кто контактировал с попаданцами – как их назвал Трофимов.

Поэтому, отдав необходимые распоряжения своим сотрудникам и старшине обеспечить этой группе бывших задержанных хотя бы минимальные условия для сна, лейтенант Иванов пошел звонить начальнику особого отдела 20-й Армии майору ГБ Воистинову.

2 октября 1941 года

Район д. Хватов Завод

Звонок от Иванова разбудил его ночью. Лейтенант сразу предупредил, что звонит из сельсовета, дав таким образом понять, что разговаривать нужно аккуратно. После чего изложил суть вопроса. Филипп Васильевич понял две вещи.

Первое, вопрос серьезен и требуется его присутствие.

Второе, с собой для обеспечения необходимо захватить проверенное сопровождение.

Вздыхнув, Воистинов распорядился подготовить свою «эмку» и полуторку. Командиру роты при особом отделе приказал выделить пятнадцать бойцов. Уже умываясь, прикинул, что часа три-четыре для сна у него еще есть. Правда, в машине, но он уже привык к этому.

В предраассветных сумерках он и сопровождение въехали в Хватов Завод. У крыльца сельсовета его встретил заспанный лейтенант Иванов. Судя по мятому лицу, спать тому пришлось сидя за столом.

– Ну, что тут? – здороваясь за руку с подчиненным, спросил он.

– С чего начать, товарищ майор? Документы? Машины? Люди?

– Давай в таком же порядке.

– Тогда сюда, – лейтенант отступил на шаг в сторону и указал на дверь сельсовета.

Прежде чем уединиться с лейтенантом, майор отдал приказ сержанту из сопровождения заменить легкораненых своими людьми. Старшине и его людям приказал никуда не отлучаться.

Следующие полтора часа Воистинов рассматривал документы и слушал пояснения Иванова по каждому из задержанных. Когда закончили, майор поднял светомаскировку на окне и, посмотрев на встающее солнце, спросил:

– Лейтенант, фотоаппаратом пользоваться умеешь? Ну и хорошо! Бери. Пошли смотреть машины.

Машины осматривали и фотографировали еще примерно полчаса. Когда вернулись в сельсовет, люди старшины уже приготовили завтрак. Бойцы особого отдела поучаствовали в этом деле своими запасами.

Уже завтракая за тем же столом, Воистинов в первый раз за эти часы высказал свое мнение о происходящем:

– Оценка вами, товарищ лейтенант, ситуации правильная. Отчет о ваших действиях напишите сегодня, я его приложу к рапорту начальнику особого отдела фронта. Я думаю, то, что вы не вели протоколы, в данном случае не существенно. В любом случае мне придется говорить с каждым из них. Вот тогда все и запротоколируем. Писать будете вы. И еще – всех, кто контактировал с этими...

– Попаданцами, – подсказал Иванов. И пояснил, глядя на недоумевающего начальника: – Так они себя называли. Сказали, что так у них называют людей, попавших не в свое время. Целый жанр литературы у них там есть по этой теме. Трофимов вот тоже в этом, так сказать, участвует. А родоначальником этого жанра они считают Марка Твена. Его книга – «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Я читал ее, и ведь действительно он описывает схожую ситуацию.

– Ну, попаданцы так попаданцы, – усмехнулся майор, – так и назовем – операция «Попаданцы». Так вот продолжу, старшину и его команду никуда не отпускать и держать под надзором. С госпиталем я решу. А сейчас, чтобы окончательно понять, как глубоко мы все тут попали, будем работать с каждым. Включая старшину и его команду.

После этого они работали весь день. У лейтенанта рука уже отваливалась от писанины. Опытный майор набрал с собой папок для документов с запасом. И сейчас на них появлялись фамилии, и внутрь укладывались допросные листы. Правда, сделали пару перерывов на чай. Во время первого Воистинов позвонил в особый отдел оперативному дежурному и приказал прислать еще одно отделение из роты, забрав, таким образом, один взвод и две полуторки. Перечислив фамилии и звания раненых, распорядился об их проверке и оформлении перевода прямо из госпиталя в подчинение особого отдела армии. Пусть лучше на глазах будут, раз так случилось. Подумав, добавил, что необходимо дополнительно к отделению найти медсестру и запас медсредств. Отделению и медсестре с машиной к 16 часам находиться в Семлеве у здания местного отделения НКВД. Они поступают в распоряжение лейтенанта Иванова.

Положил трубку, достал карту из планшета и, повернувшись к Иванову, сказал:

– Первое, едешь в Семлево на своей машине. Выезд в пятнадцать часов. Твои люди с тобой. Что там, слышал из разговора. Второе, пусть тебе в райотделе проявят пленку. Но чтоб не смотрели ее. Проследи сам. Третье, смотри, – и его палец начал двигаться по карте, – севернее населенного пункта Ленкино, юго-восточнее станции Семлево лесной массив между железной дорогой Москва – Минск и Старой Смоленской. Здесь до войны был учебный городок 220-го разведбата 108-й стрелковой дивизии. Я это место знаю, потому что там готовили диверсионные группы фронта перед заброской в тыл к немцам. Там есть щитовая казарма, кухня, колодец, укрепления для охраны и обороны. Сейчас он стоит пустой. Занимаете его. Там лишних людей не будет. Разместимся пока там. Попаданцев здесь оставлять нельзя. Если Трофимов прав, а я считаю возможным ему верить, у нас осталось несколько дней. Полковник Гладкий абсолютно прав, работа с ними даже не мой уровень. И даже не уровень, – и он ткнул пальцем вверх, – комиссара. Поэтому лучше перебдеть, чем недобдеть.

Я с колонной попаданцев выеду отсюда уже по темноте. Чем меньше нас будут видеть, тем лучше. И так тут два дня перед местным населением светимся. Хорошо хоть старшина сообразил технику их спрятать.

Сейчас заканчиваем с... опросом, и нам нужно будет с тобой съездить в одно место. Трофимов поедет с нами. Поедем двумя «эмками». Захвати фотоаппарат. Пока все.

Через час две «эмки» выехали из деревни на дорогу, по которой сюда приехали попаданцы. Хотя дорогой ее и назвать-то было сложно. Просто следы от машин по высокой траве между кустов.

Неожиданно Трофимов воскликнул:

– Стоп! Смотрите! – И указал пальцем еле заметный светящийся контур полусферы над следами машин.

Машины остановились. Все вышли из них и, затаив дыхание, рассматривали необычное явление. Полусфера представляла собой ровную половинку круга над землей. Посчитали шагами ее ширину – получилось примерно двенадцать метров. Значит, высота равнялась приблизительно шести метрам.

Оставив сотрудников и водителей на месте, дальше пошли пешком втроем.

При проходе светящейся полусферы никаких особенных ощущений не почувствовали. Единственное, ветер дул ровно и в одну сторону. Как в трубе.

С другой стороны природа ничем не отличалась от той, что осталась сзади.

– Хватов Завод вон в той стороне, – уверенно показал повеселевший Трофимов. – Дорога проходит за этими кустами.

На дорогу решили не выходить. Поэтому осторожно пошли вдоль нее, продираясь сквозь кусты и подлесок. Приблизительно через полкилометра вышли на место, откуда просматривалась деревня.

Воистинов рассматривал ее в бинокль, а Иванов периодически щелкал затвором фотоаппарата.

– Крыши. Крыши домов. Что за материал? – не отрывая глаз от бинокля, стал задавать Трофимову вопросы майор.

– Шифер, железо, вон те, веселеньких тонов, ондулин.

Воистинов кивнул, хотя последнего слова он и не знал.

– Это что? Трактор?

– Трактор. «Беларус» называется. МТЗ–82. Полноприводный. Еще советская модель. Практически неубиваемая техника. Думаю, не ошибусь, если предположу, что ему лет тридцать.

– Столбы на улицах. Электричество есть везде? И из чего столбы?

– Электричество централизованное. Единая энергосистема. Опоры – железобетонные. Сараев Александр может все пояснить. Это как раз его хозяйство.

– В деревне столько машин – это нормально?

– Это не видны еще те, что стоят в гаражах. Хотя, откровенно говоря, современная деревня живет не очень. Развалили ее. Народ в основном в городе работает. А вот для этого и нужна машина. Эти машины не роскошь. Это необходимость.

– Антенны над домами. У всех есть радио?

– Это не радио. Это телевизионные антенны. Хотя, в принципе, это и правда радиоприемники, которые не только принимают звук, но и видеоизображение. То есть кино есть у каждого. Вот те антенны принимают пять – двадцать каналов. В зависимости от прохождения сигнала и диапазона. А вот те, круглые, спутниковое телевидение, и сто каналов не предел.

– Канал – это что?

– Ну... это направленность тематики передач. Например, канал «Звезда» – это передачи и фильмы про войну и вообще все, связанное с военным делом. Есть каналы о природе, о животных, о разных странах. Есть детские каналы, есть спортивные. Их много всяких и разных. Каждый выбирает то, что хочет смотреть.

После этого установилась тишина. Каждый думал о своем. Особисты переваривали информацию, а Трофимов расстроился из-за того, что, не зная, куда они едут, не упросил майора взять хотя бы его мобилу, чтобы позвонить и успокоить родственников и знакомых, наверняка уже поднявших шум из-за их исчезновения.

Он не знал, что Воистинов, не доверяя никому, носил с собой все их опросные листы в папках и телефоны в кожаном портфеле, который сейчас стоял у его ног. Но мобильники были отключены и сейчас молчали, не отзываясь на запросы станций сотовой связи.

Когда уже шли обратно, где-то вдалеке в небе появился нарастающий гул. Воистинов и Иванов обеспокоенно закрутили головами, на уровне рефлексов ничего хорошего с неба не ожидая. Трофимов же остановился и, приложив руку козырьком ко лбу, стал всматриваться в сторону, откуда тот слышался.

– Вертолеты! – определил он еще до того, как точки на горизонте стали различимы. И через минуты две майор и лейтенант увидели, как невдалеке от них на малой высоте пролетели две пятнистые машины с огромными пропеллерами сверху. Они неслись над землей, наклонившись вперед, и со стороны казалось, что они идут по следу.

– Эти машины... какие у них задачи? – полюбопытствовал лейтенант.

– Эти, МИ-24, вертолеты огневой поддержки. Работают над полем боя. Оружие – пушки, ракеты, бомбы. Могут брать в качестве десанта отделение пехоты. Есть транспортные вертолеты. Есть очень большие транспортные – берут машину с пушкой, – пояснил Трофимов.

– И чем существенно отличаются от самолета? Тем, что винт сверху? – уточнил майор.

– Винт сверху дает им возможность висеть в воздухе, садиться и взлетать вертикально с площадок чуть больше размера лопастей винта. И еще, так как их место над полем боя, очень сильно бронированы. Из пулемета сбить их крайне трудно.

– Иванов! А что это у тебя висит на груди? Никак фотоаппарат! Сфотографировал? – с ехидцей в голосе воскликнул Воистинов, повернувшись к лейтенанту.

– Виноват, товарищ майор! Забыл, – потупился лейтенант.

Трофимов рассмеялся:

– Не переживайте, самое главное, проход не закрылся. Он есть. А значит, вы еще много чего сможете увидеть и сфотографировать. Я вам обещаю. Уж фотографии – точно.

Вернулись в Хватов Завод как раз к трем часам. Иванов забрал своих людей и уехал. Воистинов сообщил старшине, что сегодня будут готовы бумаги, и он со своими людьми прикрепляется к особому отделу, после чего пошел пообщаться с попаданцами. Заодно и чаю попить.

Поболтав ни о чем и выпив кружку чая, встал и, уже уходя, предупредил:

– Как стемнеет, уезжаем отсюда. Вы едете на своих машинах.

– Далеко? – спросил Трофимов.

– Нет. Но говорить пока не буду. Есть одно спокойное местечко, где можно будет переждать пару-тройку дней, пока по вам вопрос решаться будет. Первой машиной пойдет моя. За ней полуторка охраны. Потом ваши... как их... джипы. Последним идет «Урал». На нем поедет команда старшины. И просьба: с фарами сделайте что-нибудь, тут ведь война.

– Окей! На подфарниках поедем.

Воистинов хмыкнул:

– Ну, лады, – и пошел к охране.

За оставшиеся до темноты четыре часа Трофимов получил втык ото всех женщин, включая жену. От нее – больше всех. За то, что «не догадался» сообщить родным, что все живы и здоровы.

Как будто он знал, куда его повезли! Но, как говорится в Вооруженных силах, отмаз был не засчитан.

К тому времени как наступила ночь, все уже были собраны и готовы. Еще в сумерках майор отвез к portalу одно отделение охраны. Чтоб лишние и чужие там не шлѣались.

Трофимов на спидометре выставил «ноль», собираясь засечь расстояние от Хватова Завода. Все ж кое-что он как местный тут знал. Многие населенные пункты остались ведь и в его время. Правда, дорожных указателей на нынешних проселках никто не ставил, и он быстро выбросил из головы эту пустую затѣю, крутя баранку на ухабах и потерявшись буквально за околицей деревни начала маршрута.

Тем не менее, когда запахло креозотом и углем железной дороги, предположил, что это, наверно, станция Семлево. После нее проехали по полю, потом лесная дорога, в конце которой их остановил караул их охраны, уехавшей днем.

Спидометр показал 43 км. Еще раз вспомнив маршрут и прикинув, что большое село, которое они проехали, было Семлево, на тот момент райцентр, то получается, они где-то юго-восточней станции Семлево, между железной дорогой и Старой Смоленской.

После чего объявил своим товарищам по несчастью, что более чем на шесть дней они тут не задержатся, иначе их охрана сменится на немецкую. Правда, не гарантировал, что их отпустят домой. И те, и другие.

В эту ночь спали в старой казарме, на заранее привезенной охраной соломе. Вторую ночь одетыми. Это было плохо. Но лежѣ. Это было хорошо. Женщины тем не менее были вне себя от спартанских условий. Мужики пожалѣ плечами и полезли на солому.

Перед сном перекинулись идеями насчет своих перспектив. Трофимов дал историческую справку о месте и времени, в котором они находятся, и сделал предположение, что их либо всех в ближайшее время перебросят в Москву, как особо ценных секретноносителей, либо все же часть вернут «на Родину», потому как портал открыт и люди, имеющие право принимать решения, не смогут отказать себе в шансе установить контакт с нынешней российской властью.

А для этого нужно будет найти способ это сделать. И они в общем, а товарищ полковник в частности, самый простой путь для этого.

Еще немного порассуждав, народ затих.

А майор Воистинов, закончив писать при керосиновой лампе отчет и приложив к нему отчет лейтенанта Иванова, упаковал их вместе с телефонами, документами и пленками в свой «особой важности» портфель, оставил старшим за себя лейтенанта, сел в «эмку» и уехал.

3 октября 1941 г.

Западнее ст. Касня. Поместье князей Волконских.

Штаб Западного фронта

Штаб фронта встретил майора суетой, неразберихой и легкой паникой. Днем штаб бомбили. И бомбили не по случайности, а вполне целенаправленно. Пожары уже были потушены, хотя еще рдели в темноте остатки пожарищ, стоял густой запах удушливой смеси дыма и тротила. И в этой пелене дыма и ночи личный состав штаба торопливо грузил имущество в подходящие машины. Дежурный по отделу, когда его нашел Воистинов, сообщил о приказе на перемещение штаба в район Гжатска. Флигель, где располагался особый отдел, при бомбежке не пострадал, поэтому через минуту майор стучал в знакомую дверь.

Начальнику особого отдела НКВД Западного фронта комиссару третьего ранга Лаврентию Фомичу Цанаву было не до сна, и появление в отделе майора Воистинова – которого, кстати, оперативный дежурный отдела фронта не мог найти весь день, при этом дежурный по отделу 20-й Армии отвечал, что начальник находится на операции, а комиссар почему-то был не в курсе этой операции – вызывало острое желание пообщаться с подчиненным.

– Здравствуй, уважаемый Филипп Васильевич! Надеюсь, у тебя заготовлены объяснения для твоего прямого и непосредственного начальства по поводу отсутствия в течение... – комиссар посмотрел на часы, – почти суток.

– Так точно! Вот они! – и майор Воистинов приподнял портфель.

– Тут адреса, пароли, явки всей разведсети абвера в тылу Западного фронта? Филипп Васильевич, не разочаровывай меня.

– Больше! Гораздо больше! И ценнее!

– Ну-ну! Пошли!

Вошли в кабинет, и комиссар пошел было к своему стулу, когда его окликнул Воистинов:

– Товарищ комиссар! – и глазами указал на дверь.

– Даже так! – удивился Цанав.

И, приоткрыв дверь, распорядился дежурному:

– Ко мне – никого. Пока сам не вызову.

После чего закрыл дверь на ключ.

Уже усевшись за столом:

– Ну, давай. Чего там?

Следующие три часа он листал документы, читал опросные листы, отчеты Иванова и Воистинова, долго расспрашивал о выходе в другое время. За эти три часа в лаборатории отдела успели распечатать пленки и принести фотографии. И снова расспросы, теперь по фотографиям. Потом ходил, куда-то звонил. И уже далеко за полночь он неожиданно спросил:

– Где они сейчас?

Майор объяснил. Комиссар тоже знал это место.

– Когда и как ты их туда перевез?

– По темноте. Очень уж у них машины, как вы видели, необычные. Заметные.

– Это ты правильно сделал. Значит, так! Первое. Если верить попаданцам, у нас осталось несколько дней. Я проверил, звонил в Москву в Центральное управление. Связи с Брянским фронтом проводной уже нет. Только радиосвязь, и там что-то творится страшное. По непод-

твержденным сведениям, наши войска вчера оставили Орел. Примерно эти же сроки указаны Трофимовым. У нас тоже... На правом фланге и в центре бьемся, а на левом связь с Резервным потеряли.

Второе. Поэтому время терять нельзя. Забирай всю свою роту, возьми под охрану и проход, и этих... попутанцев. Для тебя это главная задача! Отвечаешь головой! В помощь даю тебе спецов пятнадцать человек. Группу готовили к заброске в тыл к немцам. Группа прошла весь курс подготовки, хорошо слажена. Исходя из ситуации, считаю более важным их работу здесь. Вот их, кстати, лучше задействовать на охране прохода. Они более подготовлены к действиям в таких необычных условиях. Вместе с ротой охраны.

Третье. Сейчас едем в твой лагерь. Есть у меня мысль... пообщаться с ними в неформальной обстановке. Возьму с собой пару сотрудников, нужно успеть как можно больше информации выжать из них за оставшееся время.

Полевой учебно-тренировочный лагерь

Ночь для Трофимова оказалась короткой, только, кажется, закрыл глаза, как кто-то потряс за плечо.

- Что? Кто? – вывалился из сна, не понимая, где он.
- Вас товарищ майор к себе вызывает, – пояснил будивший.
- Что там, Леша? – проснулась жена.
- Спи. Сейчас приду.
- Холодно.

Накрыл ее своей курткой и, стараясь никого не разбудить, вышел вслед за бойцом в коридор.

Идти пришлось не далеко. Боец открыл дверь через одну от комнаты, где они спали, и доложил, что приказание исполнено. Трофимов вошел, с темноты щурясь на керосиновую лампу, горевшую на столе. За столом сидел знакомый ему Воистинов, рядом с ним незнакомый мужчина явно кавказской национальности. В отличие от одного ромба в петлицах Воистинова, у него было их три.

– Мне представиться, или сами определите, кто я? – с любопытством спросил он Трофимова.

Трофимов пожал плечами.

– По-видимому, начальник майора Воистинова. Начальник особого отдела Западного фронта... Цанава. Простите, имя, отчество, звание не помню.

– Неплохо! Лаврентий Фомич Цанава. Комиссар госбезопасности третьего ранга, – представился он, – а вы – старший лейтенант запаса войск КГБ СССР Алексей Федорович Трофимов. Приятно познакомиться!

Он встал и протянул руку. Трофимов пожал ее. Рука была жесткой и сильной. Как у настоящего генерала.

– Алексей Федорович! Ведь вы живете в Вязьме? Мне тут доложили, что у вас дома имеется подборка литературы и... – комиссар заглянул в бумажку, – компьютерные материалы по теме Великой Отечественной войны. Как вы отнесетесь к тому, чтобы пригласить меня к себе в гости?

- Именно так. С разницей в семьдесят пять лет.
- Ну, вы нам всем доказали, что это поправимо. Так как насчет приглашения?
- С удовольствием! Только можно просьбу? Разрешите взять хотя бы мой мобильный телефон. Нас уже дома нет трое суток. Как бы поисковую операцию не начали.
- Думаю, это возможно. Но говорить вы будете только в моем присутствии.
- Согласен. На чем поедem?

– Ну, я думаю, правильным будет в вашем времени ездить на ваших машинах. Только нам нужно до перехода доехать по темноте. Поэтому выезжаем через пятнадцать минут.

– Я могу сказать об этом жене и товарищам? И вопрос: когда мы вернемся?

– Можете. Вернемся тоже в темноте. Так что по дороге продумайте культурную программу для гостя. Желательно, чтобы не вызывать интереса у ваших спецслужб.

– Если мы благополучно доберемся до моего дома, обещаю вам, что вы сможете побывать чуть ли не в любом месте нашей планеты, не выходя из дома. Виртуально, конечно.

– Что значит «виртуально»?

– Я покажу.

– Я надеюсь, мы хорошо понимаем друг друга? Ваши товарищи останутся тут.

– А может, хотя бы женщин отпустите?

– Нет! И вы прекрасно понимаете, почему. На этом разговор окончен. Собирайтесь! И не опаздывайте.

Когда жена узнала, что Трофимов едет на целый день домой, то заплакала. Трофимову было ее жаль, но изменить он ничего не мог. Провожать Трофимова вышла вся компания попаданцев. Темноту ночи разбавлял свет от салонного плафона, противотуманок «Хундая» и светомаскировочных фар машин сопровождения.

– Не забудь моей Наталье рассказать, в какую задницу ты меня затащил, – напутствовал Трофимова Сараев.

– Он скажет, что с вами все в порядке! Вы в гостях у друзей! – за Трофимова ответил выходящий из дома Цанава. Он был одет в гражданский костюм, шляпу и плащ. Так же был одет и один из людей его сопровождавших.

– Товарищ комиссар! Садитесь оба на заднее сиденье. Там стекла затемнены, – подсказал Трофимов.

Уже садясь в машину, Цанава задержался и подозвал к себе Воистинова.

– Филипп Васильевич! Организуй сегодня для товарищей баню. Думаю, это немного поправит их настроение. Ну, и к вечеру будьте готовы! Будем разбирать итоги дня.

Первой пошла «эмка» майора, замыкала колонну полуторка с охраной. Охрана была новая. Видно, приехали с комиссаром. Выглядели нестандартно. Все в масках, один ручник ДП, две снайперки, остальные вооружены автоматами ППД. У всех за спинами вещмешки. Все это Трофимов рассмотрел, когда в свете подфарников комиссар ставил им задачу.

Комиссар чиркнул зажигалкой, прикуривая папиросу. В отблеске ее пламени увидел недовольное лицо на мгновение обернувшегося Трофимова.

– У вас в машине не курят?

– Ну, не желательно.

– Хорошо. Как открыть окно?

Трофимов опустил стекло со стороны комиссара, и тот выбросил папиросу.

На место прибыли уже в предрассветных сумерках. Колонну остановило охранение, как назвал Трофимов, портала. Комиссар вышел из машины и тут же закурил. Через минуту у дверей стояли Воистинов, один из его сопровождения в форме, боевик в масках, по-видимому, командир группы и старший охранения.

– Ты, – комиссар указал пальцем на сотрудника в форме, – остаешься старшим здесь. Охранение переходит в твое подчинение. Замаскироваться и ждать нас. Мы должны вернуться до ночи. Если что-то не сложится, майор Воистинов знает, что делать. Поступаете в его распоряжение.

Он посмотрел на часы.

– Время 6:30. Думаю, пора!

Трофимов запустил двигатель и двинулся в сторону прохода.

4 октября 2016 г.

г. Вязьма и Вяземский район

Выбравшись на дорогу по ту сторону прохода, Трофимов первым делом ткнул кнопку настройки радио. Через минуту в салоне зазвучала музыка. Хотя пассажиры и заинтересовались незнакомыми мелодиями, Трофимов отыскал «Маяк». Рассудив, что эта программа наиболее подходит для текущего момента. Одновременно запиликал, принимая эсэмэски, заряжающийся от сети автомобиля мобильник. Трофимов смотреть их не стал. Не время. И выключил телефон. Чтобы не нервничать, отвечая на звонки.

Проехали Хватов Завод. Комиссар с интересом рассматривал деревню. Особо заинтересовался пушкой, служившей памятником на перекрестке. Трофимов дал общие сведения. Комиссар удовлетворился этой информацией. Он ведь тоже не был артиллеристом.

Дорога была пустынная. До Красного Холма не встретилось ни одной машины. В Красном Холму Трофимов остановился у памятника на Поле Памяти. Коротко рассказал об этом месте. На участке между Красным Холмом и Кайдаковым навстречу попались две фуры. Снова отвечал на вопросы комиссара. Заодно заметил, что его спутник отмечает маршрут по своей карте, ориентируясь по дорожным указателям. По городу поехали через центр, практически в час пик. Нужно было заскочить в круглосуточный магазин, купить продуктов себе и своему псу, который уже трое суток голодал. Улица 25 Октября была забита машинами. Ехали медленно. Помощник комиссара через лобовое стекло делал снимки портативным фотоаппаратом. Пользуясь моментом, Трофимов знакомил гостей с достопримечательностями.

– Слева хорошо вам знакомая полуторка – памятник послевоенным водителям. Здесь в советские годы автоколонна была. Еще раз слева, метров на триста далее по улице, в глубине стоит памятник погибшим советским военнопленным. Там концлагерь был. Точно подсчитать не смогли, после войны там обнаружили несколько рвов с останками пленных, оценивают в число от тридцати до семидесяти тысяч человек. Этот лагерь как раз образовался при ликвидации Вяземского котла.

И снова слева, самолет МиГ-17 – памятник в честь дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта Светланы Савицкой. Она на аэродроме «Двоевка» переучивалась на реактивную технику.

Город после освобождения отстраивали заново. Согласно немецкому плану, при отступлении были взорваны практически все каменные здания. Город просто снесли. После войны восстановили.

Справа – камень на месте царских палат. Царь Алексей Михайлович Романов выбрал Вязьму в качестве резиденции во время эпидемии в Москве.

Еще справа – памятник артисту, уроженцу Вязьмы, Анатолию Папанову. Вы его еще не знаете. Он сейчас где-то служит рядовым.

Проехали мимо администрации с развевающимся над ним российским триколором. Цанава промолчал. Трофимов в зеркало увидел, как он сжал зубы. Трофимов ожидал услышать мнение комиссара государственной безопасности третьего ранга по этому поводу. Но услышал совершенно другое.

– М-да, – прервал молчание комиссар, – много у вас женщин за рулем. И очень много в штанах. Нормальную женщину в юбке или платье среди пешеходов и не увидишь. И очень много их за рулем. У вас мужчин не хватает?

– Есть такое дело. Войны, болезни, неправильный образ жизни. Но не настолько, как может казаться, глядя на женщин за рулем. Просто барышням нравится быть независимыми от желаний и состояния здоровья своих мужчин. Моя жена вот в сорок лет воспылала желанием сесть за руль. И своего добила. И я с гордостью могу сказать, что водит она лучше некоторых профессиональных водителей мужчин. Но в пределах асфальтовых дорог. Что касается брюк,

для нас это уже привычно. Моя жена тоже чаще брюки на работу надевает, нежели традиционную женскую одежду. Ей так удобнее.

– Слева, – продолжил он, – парк адмирала Нахимова, уроженца нынешнего Вяземского района. Установлен бюст и назван парк в честь адмирала уже после развала Советского Союза. Вот этого не пойму, почему можно было учредить орден Нахимова. Будет такой немного позднее, – пояснил он в ответ на недоуменный взгляд комиссара, – но не поставить бюст на его малой родине. Он вроде бы не провинился перед советской властью.

– Мне трудно что-либо ответить на это. Не мой вопрос, – дипломатично ушел от ответа Цанава.

В магазин пошли все вместе. Комиссар с интересом осматривался. Особенно заинтересовала его оплата карточкой. Но вопрос, читающийся в глазах, он отложил.

Сам Цанава и его помощник смотрелись достаточно колоритно. Но в наше время удивить кого-либо одеждой трудно. Продавщица ночного магазина, борясь с зевотой, по причине отсутствия других посетителей поглядывала на них всего лишь с легким любопытством.

– Это у вас деньги такие? – поинтересовался комиссар, выйдя из магазина.

– В некотором смысле да. Но у нас есть и обычные деньги. Просто я не брал их с собой. Ведь ехал на несколько часов и за грибами. А карточка всегда у меня с собой.

Загрузились и, проехав перекресток, Трофимов снова остановил машину на площади Ефремова. Цанава вопросительно взглянул на Трофимова.

– Я думаю, вам нужно это видеть, – глядя через зеркало на комиссара, ответил тот.

Захлопнулись двери, пикнула сигнализация, и все трое направились к памятнику генерал-лейтенанту Ефремову.

– Это Вечный огонь! У нас в городе он горит недавно. Это символ памяти о погибших в Великой Отечественной войне. В Москве у Кремлевской стены он горит на Могиле Неизвестного Солдата. Домой приедем, я вам покажу.

А это памятник генерал-лейтенанту Ефремову, командующему 33-й Армией Западного фронта, пытавшейся взять Вязьму зимой-весной 1942 года. В штурме принимали участие четыре дивизии армии, общей численностью от 12 до 18 тысяч человек. Данные на этот счет разнятся. Штурм не удался, и большая часть личного состава погибла в окружении. За генералом присылали самолет, однако он предпочел остаться со своими солдатами. При прорыве из окружения был дважды ранен и, не желая живым попасть в плен, застрелился. Памятник генералу поставлен в 1946 году. Это один из первых памятников, посвященных событиям войны. Скульптор – Вучетич. Бывший боец 33-й Армии. Он – автор самых знаменитых скульптур, посвященных теме войны. Я покажу вам его творения. Они знамениты на весь мир. Мое мнение, это одна из самых выразительных скульптур вообще. И уж точно самая первая по времени.

Цанава обошел памятник. Потом отошел, снял шляпу и склонил голову. Трофимову этот жест откровенно понравился. Когда Цанава повернулся к нему, в его глазах мелькнуло нечто такое, что Трофимов понял: лед официальных отношений между ними треснул.

На Ямской площади Трофимов завернул на заправку и долил бак до полного.

Выйдя из машины, для того чтобы открыть ворота, Трофимов услышал радостный лай Арчибальда. И из-под ворот вылезли все три, громко жалующихся на жизнь, кота. Удивительно, но и собака, и коты на слух узнавали автомобиль хозяина еще издали и старались встретить, как могли. Поставив машину и закрыв ворота, Трофимов, сопровождаемый кошачьей стаей, подошел к собачьему вольеру и просунул Арчибальду кусок колбасы. Пес просто разрывался, пытаясь одновременно и лизать руки хозяина, и облаивать незнакомцев, и уделить внимание возжеленной колбасе. Успокоив собаку, Трофимов с гостями вошел в дом.

– Так! Снимайте плащи! Сейчас я вам чего-нибудь поставлю на компьютере, а мне нужно приготовить нам завтрак и моей живности сварить еду.

– Секунду! Познакомьте нас со своим жильем, – предупреждая подняв руку, поменял планы Трофимова Цанава.

Посетив туалет, Цанава прошелся по всему дому.

Причем действительно осмотрел комнаты и помещения, когда его помощник в основном осматривал территорию за окнами. Комиссар переспросил:

– Как вы там говорили: работаю мастером в электросетях, заработок ниже среднего?

– Именно так! А у жены – выше среднего.

– Ну, неплохо в целом! Хотя мне пока что не с чем сравнивать. В наше время люди живут и лучше, нежели вы, но у них и должности и, соответственно, мера ответственности несравнимо выше вашей. Но как пример мне интересно было оценить.

– Я, кстати, пока ходили и смотрели, придумал, что вам нужно увидеть. Пойдемте!

Войдя в зал, Трофимов включил компьютер и аудиоцентр, через который у него работал звук, и поставил перед монитором кресло и стул.

Пока расставлял мебель, компьютер загрузился.

– Итак! Это для настроения. Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. Вам будет крайне интересно это посмотреть. Особенно с учетом того, что вы многих знаете. Как закончится, я поставлю Парад 9 мая 2015 года. Вы получите представление о том, что собой представляет Россия сейчас.

Трофимов запустил ролик и пошел на кухню. Следом за ним отправился помощник комиссара.

– Надо позвонить. Чтобы паники не было, – вытаскивая и включая телефон, уведомил контролера Трофимов. Звонки много времени не заняли. Алексей отделался дежурными фразами и сразу после этого выключил телефон. Иначе тот бы трезвонил не переставая.

После просмотра Цанава пришел на кухню в приподнятом настроении. Поэтому когда все устроились за столом, он внимательно посмотрел на помощника.

– Виктор! Ты фляжку с собой не захватил?

– В форме осталась, – смутился тот.

– Вот... М-да, – крикнул комиссар.

– Момент! – Трофимов метнулся к холодильнику, доставая дежурную бутылку водки.

– На всякий случай, стараюсь иметь в холодильнике! Хотя... могу еще предложить неплохой самогончик. У товарища беру по трехлитровой баночке на полгода. Но он теплый.

– Давай лучше холодную.

Трофимов поставил на стол и наполнил две стопки.

– А себе?

– Я за рулем. У нас с этим строго. Сейчас себе соку налью.

Комиссар поднял со стола стопку и встал. Следом вскочили Трофимов и помощник Виктор.

– За Победу! – произнес Цанава, и все выпили.

Пока завтракали, гости выпили еще по две стопки. Потом пошли снова к компьютеру.

Цанава попросил рассказать все, что знает и думает Трофимов о развале СССР. Рассказ затянулся часа на полтора. Точнее, Трофимов рассказывал и показывал на компе соответствующие последним тридцати годам ролики.

Когда на мониторе шли кадры спуска красного флага над Кремлем, Цанава ударил кулаком по подлокотнику кресла и выругался. Трофимов с опаской посмотрел на него и предложил прекратить просмотр и заняться насущными вопросами. Но комиссар потребовал продолжать.

И все же он не выдержал! После просмотра кадров беснующихся толп, орущих «Москаляку – на гиляку!», факельных шествий с портретами Мазепы, Бандеры и других предателей, разрушения советских памятников и осквернения могил героев войны, он вскочил и выбежал на веранду.

Остальные последовали за ним. Цанава стоял у окна, устремив в него застывший взгляд. Неожиданно он повернулся и схватил Трофимова за грудки.

– Как? Как вы могли предать дело Ленина и Сталина? Свершения, оплаченные кровью и жизнями миллионов советских людей! – кричал он, вплотную приблизив свое лицо и брызгая слюной. – Чего вам не хватало? На что купились?

Трофимов настолько был потрясен и подавлен этой вспышкой, что в первые мгновения просто опешил. Однако секунды спустя в глубине его души поднялась буря чувств. Тут была и обида за свое поколение, и чувство вины, и одновременно сопротивление обвинениям. Все это сплелось в огромный ком, который сдержать он был не в силах. Он уже не слышал, что кричит ему в лицо Цанава. Он тоже схватил комиссара за грудки.

– Мы виноваты? Да! Да! Мы виноваты! Никто не мог предположить, что нас предаст собственное руководство! Никто не мог знать, что враг не там, за океаном, а здесь! В Москве! В Кремле! Мы предатели? Нет! Предатели те, кто привел их в Кремль! А это сделали вы! Ваше поколение! Это вы предали Сталина! Вы вынесли его из Мавзолея! Вы снесли памятники ему! Вы называли его преступником и палачом! Вы списали на него все свои грехи! Вы расчистили дорогу тем предателям, которые сдали Союз. Так кто из нас более виноват? – орал он в багровое от бешенства лицо Цанавы.

На секунду возникла тишина, в которую впелся голос из-за стены:

– Федорыч! Что там у тебя происходит? Может, мне в милицию позвонить? И куда ты вообще пропал? Собака твоя даже выла от голода. Пришлось подкармливать.

Трофимов пришел в себя. Они с комиссаром продолжали держать друг друга за грудки, краем глаза он еще видел державшего его на прицеле помощника с побелевшим лицом. На лице, как в книге, отображалась борьба между обязанностью обеспечения безопасности комиссара и его же приказом охранять Трофимова.

– Кто это? – прошептал Цанава.

– Сосед, – так же шепотом ответил Алексей и, сделав шаг назад, отпустил лацканы пиджака комиссара.

– Все нормально, Иваныч! Это мы с товарищем... немного поспорили об истории. Несколько погорячились.

– А ну-ка, выйди во двор, поговорим, – все так же недоверчиво ответил сосед.

Трофимов развел руками, глядя на Цанаву, и пошел к выходу. Комиссар проводил его взглядом и дал знак помощнику оставаться на месте.

Сосед Иваныч успокоился, лишь поздоровавшись с Трофимовым за руку и увидев того живым и здоровым.

Алексей поблагодарил того за заботу об Арчибальде и заодно попросил подкормить того, если он снова не появится в ближайшие дни.

Пока он отсутствовал, все успокоилось. Цанава докуривал папиросу, помощник уже был без пистолета в руке.

– Ладно! Все успокоилось. Диспуты о мере ответственности перед историей оставим на потом. У нас стоит задача изменить ее и исправить ошибки. Либо избежать их, – негромко подвел он итог конфликта, – пойдемте работать, времени у нас немного, а задачи объемные.

– Я, в свою очередь, тоже приношу свои извинения лично вам. Вы остались верны до конца. За что вы и пострадали.

Цанава внимательно посмотрел в глаза Алексею и медленно кивнул, принимая извинения.

Вернувшись в дом, Трофимов продолжил:

– Я предлагаю сделать следующим образом: товарищ комиссар, вы формулируйте вопрос, какую информацию хотели бы получить. Желательно, чтобы эта информация была объемной. Я отыскиваю ее на компьютере жены и ставлю на скачивание на флешку.

Одновременно на компьютере, на котором вы смотрели ролики, начинаем искать все нужное по событиям непосредственно октября 41-го года. Эту информацию я сразу буду распечатывать. В дорогу с собой я захвачу ноутбук дочери. Он старенький, но от возраста хуже тексты читать не стал. Он обеспечит вам возможность детально разобраться с информацией на флешке.

Я сомневаюсь, что мы можем что-то кардинально изменить в судьбе Западного и Резервного фронтов. По срокам мы катастрофически опаздываем. Но изыскать возможности поупираться и добавить ложку дегтя в бочку меда под названием операция «Тайфун» мы можем.

– А вот такой вопрос, можем мы найти информацию о предателях Родины и тому подобное? Это ведь, так сказать, мой профильный вопрос.

– Ну, а как же? И это поищем, не обещаю, что в материале будут ярко выражены личности предателей, проявившихся в событиях в районе Вязьмы, скорее всего там будет общий список, но выбрать из него кое-что мы сможем.

– Тогда работаем!

Далее, с участием помощника, Алексей притащил со второго этажа компьютер, работавший через вайфай. Позже он сам себя в душе поблагодарил за то, что не поленился и сделал это. Иначе бы непрерывная беготня с первого этажа на второй и обратно не столько бы накачала ему ноги, сколько пошатнула бы остатки здоровья. Не молодой, чай!

Работали без обеда. Помощник сходил на кухню и, справившись с газовой плитой и холодильником, сделал чай с бутербродами.

В 17 часов запыкал будильник электронных часов. Трофимов очень боялся опоздать к порталу, справедливо предполагая, что это для его товарищей и жены добром не кончится.

– Все! Заканчиваем! Витя, на втором этаже в комнате, похожей на кладовку, где одежда, возьми чемодан. Если внутри что-то есть, встряси прямо на пол. Потом подберем. В него уложим все книги с этих полок. Главное – вывезти, потом с ними разберетесь. И... отдам я вам принтер. Распечатывать материалы. К нему запасной картридж и пачка бумаги. Больше у меня просто нет. Так! Это не все. Вот флешка, на которую качали информацию. Спрячьте ее в портфель или в карман, куда надежнее. И пока собираемся, я еще с внешнего диска на жесткий ноута скачаю всю информацию по войне, которую я собирал эти годы. Тоже пригодится.

Последнюю фразу гости не поняли, но суть того, что это полезно, уловили, поэтому начали собираться. Цанава спрятал флешку в нагрудный карман. Выехали через полчаса. По дороге Трофимов предложил заехать в ближайший супермаркет, чтобы купить нормальной, в его понимании, еды для своих товарищей. Цанава не препятствовал, но предупредил, что тоже пойдет с ним.

Заехали в «Солнечный» на Ямской. Алексей купил колбасы двух сортов, взял три курицы-гриль, кетчуп, майонез, две бутылки коньяка, хлеба белого и черного, на всякий случай спагетти, пачку соли и пачку сахара кускового, несколько комплектов пластиковой посуды. Народу по окончании рабочего дня было прилично. Пришлось постоять в очереди в кассу.

– Я говорил про женщин в штанах и за рулем. Могу еще сказать, от голода вы не страдаете. Кажется, ровно наоборот.

– Есть такое дело. И причин тут много.

– И магазин... для райцентра, плюс не в центре города выглядит весьма неплохо. Меня особенно удивляет товар на полках в свободном доступе. Не воруют?

– Ну, как совсем без этого? Бывает. Но там камеры везде, личность вора установить вполне по силам. Зато такая схема значительно увеличивает количество обслуживаемых покупателей. А украденное хозяин компенсирует из зарплаты продавцов и охраны. Капитализм! Тут хотя бы наиболее ценные виды товаров – колбаса, рыба, спиртные напитки – находятся либо под замком на витринах, либо отпускаются по старой схеме – продавцом, а вот в гипермаркете все лежит и стоит на полках. Продавцы присутствуют только в тех отделах, где поку-

пателю требуется товар не заранее фасованный, а по его желанию. Плюс тот магазин примерно раз в десять больше этого.

– Да? Я думал, этот один из самых больших.

– Нет. Это заурядный кварталный магазин. Таких в городе десятка два.

– М-да...

Обратную дорогу Трофимов выбрал через Семлево. Этот путь был длиннее километров на пятнадцать, но освобождал от необходимости пересекать город в часы пик.

Весь путь все трое были заняты работой. Алексей, кроме того что вел машину, диктовал под запись Виктору алгоритм пользования оргтехникой; комиссар что-то быстро писал в записную книжку, заглядывая в распечатанные материалы по действиям дивизий и армий, которым суждено попасть в окружение. Кроме этого, у него были распечатки биографий всего командного состава этих армий до комдивов. Тех, естественно, на кого в Интернете нашлась информация. После Путьково стало уже темновато. Трофимов включил свет в салоне, на что Цанава, не отрываясь от записей, благодарно кивнул.

Подъезжая к portalу, Алексей выключил фары, оставив только противотуманки. На душе у него было беспокойно. Тяжело. Но отступить ему было некуда, кроме осознания своего долга офицера перед Родиной, он не мог бросить жену и друзей.

4 октября 1941 г.

Семлевский район

Проехав портал, он остановил машину и заглушил двигатель. Комиссар оторвался от бумаг и аккуратно убрал их в портфель. После чего вышел из машины, сразу же привычно закури́в. Выслушал доклад старшего охранения и приказал охране грузиться в полуторку. После чего о чем-то переговорил со старшим охранения от роты особого отдела 20-й Армии.

Сразу же после этого полуторка и джип тронулись. Свет в салоне уже использовать было нельзя.

Алексей, дождавшись этого момента, решил озвучить мысли, бродившие у него еще дома, но оформившиеся только перед порталом.

– Товарищ комиссар, я вот что думаю. Портал и информацию о нем вы доложите своему руководству, я имею в виду Лаврентию Павловичу, и, я уверен, эта информация заинтересует Верховного. Но! Осталось всего несколько дней до занятий этого района немцами. И если информация попадет к ним, или они случайно наткнутся на портал, то вам ни одной ротой, ни двумя, даже дивизией не удержать этот район. То есть своими силами вам объект не удержать. И даже если немцы про него не узнают, наличие портала вам ничего не даст. У меня два предложения. Первое, дать возможность нам, то есть мне и моим товарищам, сообщить о портале высшему руководству России. Такая возможность имеется у двоих моих друзей. Причем информация уйдет сразу наверх, минуя региональные структуры. Что, как вы прекрасно понимаете, в таких делах является немаловажным фактором. Если же вы нас всех или кого-то отдельно не отпустите и случится худший из сценариев, и немцы захватят портал, то в любом случае рано или поздно они, то есть немцы, проявят себя в нашем мире. Каким образом это произойдет, я не знаю. Может, они тупо вломятся на технике в ближайшие деревни, а может, зашлют своих агентов. Если разберутся в ситуации. Но в любом случае положение Советского Союза от этого не улучшится. В данном случае фактор времени важен, как никогда. И его нужно использовать. Нужно входить в контакт с руководством России. По крайней мере, безопасность объекта они точно смогут обеспечить. Это как минимум!

– Я думаю над этим. Но тут проблема в том, кто тот человек, кому поверят в вашем времени. Не просто поверят, а очень быстро это сделают. Вы полностью правы, время сейчас для нас определяющий фактор.

– Знаете, у меня в памяти сейчас только один человек, личность установлена в нашем времени с высочайшей степенью достоверности. Это генерал Ракутин! Командующий 24-й Армией Резервного фронта. Поясню. Его останки обнаружены поисковиками в 90-х годах. То есть относительно недавно. И по ним проводилась серьезная экспертиза, которая подтвердила, что это останки действительно генерала Ракутина. Погиб он предположительно шестого-седьмого октября при прорыве остатков его войск и штаба в район Семлева.

– И это серьезно сэкономит нам время.

– Да!

– Еще вопрос. Вы говорили, что Россия объявила себя правопреемником СССР.

– Да!

– А архивы? Архивы вообще и конкретно моего ведомства сохранились, или...

– Сохранились! И НКВД, и КГБ, и Министерства обороны. Конкретизировать не могу, никогда не имел к этому отношения, но в целом такие архивы существуют.

– Это хорошо! Но, – продолжил он, – Россия – буржуазная страна. Где гарантия, что она пойдет на контакт с СССР и от этого будет польза?

– Во-первых, у нас сейчас очередной период конфронтации с Западом. И любой союзник интересен. Во-вторых, наш президент в первую очередь прагматик. Как Сталин. Вспомните, кто строил в СССР Горьковский автозавод. И с фашистами договор заключали. Когда решается вопрос выживания страны, идеология отступает на второй план. Это мои мысли и предположения. Но попробовать стоит. В любом случае немцам уж точно ничего не обломится.

Цанава, задумавшись, молчал.

В Семлеве комиссар тронул Трофимова за плечо.

– Заедем в местный райотдел. Я дорогу подскажу.

Подъехали к указанному зданию. Из темноты показались двое в форме с винтовками наизготовку. Трофимов заглушил двигатель и погасил фары. К патрулю вышел Виктор. Подсветил лицо и удостоверение фонариком. Переговорил с ними и вернулся к машине.

– Все в порядке, товарищ комиссар. Это патруль местного отдела. Дежурный по райотделу на месте. Связь есть.

– Ну, пойдем, – и, повернувшись к полуторке, добавил: – Присмотрите тут.

Алексей подумал, что это он о патруле. Оказалось, нет. Речь шла о нем. Сразу в его машину забрался один из бойцов, остальные рассыпались на местности, прикрывая и выход из райотдела, и машину с Трофимовым.

Войдя в здание, Цанава махнул рукой дежурному, отменяя доклад.

– Кабинет начальника открой.

Дежурный, узнав комиссара, торопливо, звеня ключами на связке, пробежал к кабинету и открыл его.

– Витя, к двери никого не подпускать, – распорядился комиссар, входя в кабинет и закрывая за собой дверь.

Дежурная на коммутаторе соединила его с коммутатором управления НКВД по Смоленской области в Вязьме. И уже через них он соединился с дежурным по особому отделу фронта в Касне. Дежурный пояснил, что штаб заканчивает передислокацию, командующий уже уехал на новое место, в Столбы севернее Гжатска. Здесь старшим остался начальник штаба фронта генерал-лейтенант Соколовский. Комиссар поручил дежурному обеспечить телефонный разговор с ним, указав свое местоположение.

Положив трубку, Цанава привычно закурил. Звонок телефона раздался как раз, когда он потушил папиросу.

– Слушаю, Соколовский!

– Доброй ночи, Василий Данилович!

– И тебе, Лаврентий Фомич! Хотя даже ночи сейчас перестали быть добрыми.

– Согласен. Я тоже звоню тебе не для пожелания спокойной ночи. Скажи-ка мне, Василий Данилович, вы с Иваном Степановичем ничего не думали по поводу Константина Константиновича, а?

– К-хм... А откуда ты знаешь? Хотя глупый вопрос. Был разговор по его поводу, есть одна идея, но она пока что ею и остается. Я так понимаю, суть ее вы знаете. Может, завтра Иван Степанович примет решение.

– Знаю. Поэтому, уважаемый Василий Данилович, я прошу, я настоятельно рекомендую идею изложить в приказе. На бумаге со всеми соответствующими подписями и печатями. Делай как хочешь, но чтоб был на бумаге. И срок в ней должен стоять не позднее 18 часов 5 октября. Если этого не будет сделано, то я, в свою очередь, сделаю все от меня зависящее, чтобы в истории Западного фронта появился второй эпизод подобный истории с генералом Климовских.

– Что, так все серьезно?

– Серьезней не бывает! Ты в курсе, что противник сегодня захватил обе переправы через Днепр восточнее Холм – Жирков?

– Н-нет! Там же дивизии Резервного фронта!

– А их пытались отправить южнее, в полосу Резервного фронта. Потом отменили, а позиции занять снова они не успели. Ты вот что! Ты все войска Резервного в нашем тылу подчиняй себе, в смысле Западному фронту. Только чтобы они подчинились, приказы нужны. Письменные.

– Ты понимаешь, что ты говоришь? Я бодаться с Семеном Михайловичем не буду! Ты в стороне останешься, с тебя и взятки гладки, ответишь вроде того «была оперативная информация», а мне что делать? Любая его неудача будет списана на меня. Н-е-т! Устные отдавать буду, подписывать ничего не буду.

– Ладно! Черт с тобой! Буду один крутиться, как смогу. Но про приказ, о котором говорили в самом начале, не забывай! Я лично его буду встречать пятого в 18 часов. И если... ну, ты знаешь.

Полевой учебно-тренировочный лагерь

Уже в полноценной темноте прибыли в полевой лагерь. Встретил их снова тот самый боец с перевязанной шеей. Только бинт в темноте белел чистотой. Так как их группу приписали к особому отделу, то включили и в боевой расчет, привлекая к несению караульной службы.

Секундами спустя хлопнула входная дверь казармы, и с крыльца спустился майор Воиновых.

– Товарищ комиссар... – начал он докладывать, приложив ладонь к козырьку фуражки.

– Потом, все потом, – оборвал его Цанава и, повернувшись к Трофимову, добавил: – Я зайду к вам, попозже.

И направился к казарме, сопровождаемый майором и Виктором, несущим в руках чемодан с книгами и сумку с ноутбуком.

В этот момент навстречу им уже спешила вся компания попаданцев с Ларисой Трофимовой во главе.

– Так... там... в багажнике... ужин, – показывая рукой себе за спину, в перерывах между поцелуями, смог пробормотать Трофимов.

– К-хм... жизнь-то налаживается. Как раз после баньки, – удовлетворенно хмыкнул Богомолов, вытаскивая из пакета коньяк и ощупывая горячую упаковку курицы-гриль.

Пока шли до помещения, женщины одолели вопросами, звонил ли он родственникам, что сказал, что ответили. Потом последовала бурная реакция женской половины, узнавшей, что Алексей отделался практически дежурными фразами, вместо того чтобы вдумчиво объяснить родственникам ситуацию. На встречный вопрос Алексея, как это они себе представляют, дамы промолчали.

Цанава, войдя в помещение, числившееся чем-то вроде кабинета, бросил шляпу на стол и, не раздеваясь, сел за него. Воистинов добавил огня в керосиновой лампе и, получив утвердительный кивок комиссара, сел напротив.

– Филипп Васильевич! Времени нет! Доставай блокнот, пиши, что нужно сделать, – и достал из кармана свои записи.

Минут через сорок комиссар, так и не зайдя к попаданцам, уехал.

После того как в ночной дали затихли звуки двигателей «эмки» комиссара и полуторки сопровождения, в помещение, где при свете керосиновой лампы вкусно ужинали попаданцы, вошел майор. Молча взял протянутый пластиковый стаканчик с коньяком, выпил и так же молча поставил стаканчик на стол.

– Неплохо! – после паузы проговорил он, заметив, что вся компания смотрит на него в ожидании известий о своей судьбе. – В общем так! Завтра весь день вы находитесь еще здесь. В ночь выдвигаетесь к так называемому порталу. Колонну поведу либо я, либо лейтенант Иванов. Там останавливаемся, если я буду там, доведу дальнейший порядок действий. Если нет, ждете меня. Но! Товарищ Трофимов остается здесь! То есть не совсем здесь. Завтра прибудет группа, назначенная комиссаром, и в сопровождении этой группы он едет в Москву.

Повисла тишина. Откровенно говоря, Алексей предполагал нечто подобное. Но считал, что, скорее всего, «контактером» с руководством СССР будет Андрей Гладкий. Но комиссар видел другой вариант действий.

Отказаться он не мог. Это было бы предательством своей собственной натуры. А в его возрасте так менять себя было уже просто невозможно.

– Отдыхайте! – закончил свою речь майор и вышел из комнаты.

В тишине допили коньяк и молча расползлись по нарам, шурша сеном.

Поразмыслив в ночной тишине, Алексей пришел к мнению о справедливости выбора. Именно из-за него они все тут оказались. И если он как бы морально был готов к чему-то подобному, являясь почитателем жанра попаданцев, то остальные его товарищи были обычными людьми, озабоченными реальными проблемами. Придя к этому выводу, он успокоился и, улегшись поудобнее, погладил волосы жены, уткнувшейся ему в плечо. Рубашка на плече стала мокрой.

Уже ближе к утру Цанава отправил объемную телефонограмму Берии, в которой охарактеризовал положение на фронте, значительно отличающееся от того, что докладывали в Москву штабы Западного и Резервного фронтов. Ссылаясь на свежие разведданные, изложил планы гитлеровского командования на ближайшие дни и в целом развития ситуации на участке советско-германского фронта от Орла до Калинина.

Сообщил об отправке утром 4 октября в Москву сверхценного источника в сопровождении сотрудников особого отдела Западного фронта. В ней же он просил разрешения прибыть с личным докладом к наркому 5–6 октября. Ввиду перемещения штаба фронта на восток предлагал поддерживать связь с ним через областное управление НКВД в Вязьме.

Район Вязьмы

Утром 4 октября начали претворяться в жизнь мероприятия из блокнота комиссара третьего ранга Цанавы.

Шестнадцатый пограничный полк охраны тыла получил назначение занять оборону в районе станции Александрино, фронтом на север, перекрывая автомобильную и железную дороги направлением Сычевка – Вязьма.

Восемьдесят седьмой пограничный полк занимал инженерные сооружения тыловой линии обороны, прикрывая противотанковый ров, между Хмелитой и деревней Марьино.

Двести пятьдесят второй пограничный полк перебрасывался в район деревни Островки на большаке Знаменка – Вязьма. Все командиры полков получили письменные приказы, под-

писанные начальником войск НКВД по охране тыла Западного фронта полковником Сухаревым. В приказах было особо отмечено право командиров полков подчинять себе своей властью всех военнослужащих и части, находящиеся в указанных районах. Утром по обвинению в предательстве был арестован начальник штаба 19-й Армии генерал-майор Малышкин Василий Федорович.

Д. Мархоткино. Штаб 24-й Армии Резервного фронта

Майор Воистинов с охранением прибыл в штаб 24-й Армии Резервного фронта, находившийся в Мархоткино, северо-восточнее Ельни.

Первым делом нашел своего коллегу – начальника особого отдела армии бригадного комиссара Можина Андрея Павловича. Попросил его представить командующему и присутствовать при разговоре.

Закончив с формальностями, майор Воистинов приступил к делу, ради которого он пришел в армию соседнего фронта.

– Константин Иванович! У меня есть письмо от начальника особого отдела Западного фронта комиссара государственной безопасности третьего ранга Цанавы. Прошу вас ознакомиться.

И он протянул генералу конверт, запечатанный сургучной печатью.

Генерал хмыкнул, осмотрел печать и, повернувшись к свету, вскрыл конверт. Закончив читать, он повернулся к обоим особистам.

– То, что слева у нас уже нет соседа, для нас не новость. Но! Приказа на отход из штаба фронта я не получал. И в такой ситуации верить на слово я не могу. Будет приказ, начну отход. Не будет – армия будет сражаться до последней возможности. И я разделю ее судьбу. Что касается особого поручения, о котором пишет товарищ Цанава, то пока меня не сняли с командования армией, я могу выполнять приказы только своего командования. И товарищ комиссар отдать приказ мне не может. Не тот момент.

– Жаль. Хотелось по-хорошему договориться. Видите ли, я обязан в любом случае вывезти вас. Вы действительно нужны сейчас в другом месте.

– Ну, ничем вам помочь не могу. У каждого из нас свои обязанности.

– Это вы верно заметили!

Воистинов вновь открыл командирскую сумку и достал новый пакет.

– А это уже вам, Андрей Павлович.

Можин принял пакет и, разорвав его, принялся читать.

– Постановление. Об аресте, – произнес он, глядя на командующего, – оформлено по всей форме.

– Чушь! Вы не имеете права! Двадцать четвертая армия подчиняется другому фронту, – вспыхнул генерал.

– Да! Не имеем. Но это вы можете обжаловать. Потом. А сейчас мы будем исполнять приказ, – ответил Воистинов.

– В чем меня обвиняют?

– Все как обычно, в предательстве. Ряд лиц, арестованных за пособничество врагу, назвали вашу фамилию.

– Ну, это же просто чудовищная ложь! Я – генерал войск НКВД.

– Я знаю. Вы сможете доказать свою невиновность, но для этого вам придется проехать с нами. Сдайте оружие!

Можин виновато смотрел на командующего, не в силах тому помочь. Фамилия Цанава была достаточно известна в их организации, и противиться в такой момент его воле было чистым самоубийством.

Помедлив, Ракутин вытащил из кобуры пистолет и протянул его Можину, а не Воистиннову. Тот принял и передал его по назначению.

Ракутин начал расстегивать португую.

– Не нужно, Константин Иванович! – остановил его майор. – Не будем сеять панику среди ваших подчиненных. Достаточно пистолета.

И положил пистолет в командирскую сумку.

– Лейтенант! – позвал он своего подчиненного. – Проводите товарища генерала в машину и дождитесь меня.

Генерал и сопровождающий вышли из помещения.

– Андрей Павлович! Еще две просьбы. Обеспечь, чтобы личные вещи генерала тоже собрали и отнесли в машину. Есть у него ординарец? Пусть едет тоже с ним. И пригласи сюда начальника штаба, срочно!

Начштаба появился в сопровождении Можина минут через пять.

– Генерал-майор Кондратьев?

Дождавшись утвердительного ответа, майор продолжил:

– В связи с обстоятельствами, вы с этого момента исполняете обязанности командующего 24-й Армией.

Генерал метнул вопросительный взгляд на Можина, тот утвердительно кивнул.

– Смотрите! – майор вынул из сумки и расстелил карту на столе. – Восточнее вас на север движется 15-я пехотная дивизия противника, уже отрезавшая вам возможность отхода на восток. У вас остается только один путь – на северо-восток. Но завтра немцы перекроют и эту дорогу. У вас есть меньше суток, чтобы организовать отход в район Семлева. Вы же уже были в окружении, Александр Кондратьевич, знаете, как там происходит, когда враг появляется в тылу. Паника, бегство, плен и все такое! Так вот у вас есть еще время всего этого избежать. Но нужно поторопиться! И помните! Родине нужны бойцы под Семлевым и Вязьмой, а не пленные красноармейцы под Ельней. Глупо, конечно, я как бы занимаюсь подстрекательством к бегству, но иного выхода сейчас нет. К тому же я надеюсь, вы сумеете организовать отход, а не бегство. До свидания! Надеюсь, не в последний раз встречаемся!

Козырнув, Воистиннов вышел.

Машины ожидали его. Генерал сидел на заднем сиденье его «эмки». Рядом сидел сопровождавший его лейтенант. В кузове полуторки сопровождения сидел мрачный старшина-пограничник.

– Пересядь вперед! – скомандовал майор, открывая дверь машины.

Лейтенант пересел, майор занял его место и, захлопнув дверь за собой, продолжил:

– Прежде чем тронемся в путь, Константин Иванович, распишитесь вот тут о неразглашении. Ну, вы знаете весь набор карт и так далее в этом документе. Стандартная форма. Хотя информация будет совсем не стандартная.

Ракутин молча подписал и отвернулся, угрюмо смотря в окно машины.

– Ну, вот и славно! – проговорил майор, убирая листок с подписью в свою сумку.

– Вы пистолет-то возьмите. Мне он ни к чему, – протянул вынутый из той же сумки ТТ генералу.

Ракутин взял, засунул его в кобуру и, непонимающе смотря на майора, произнес:

– Я ничего не понимаю! Пистолет вернули! Я видел, мои вещи ординарец принес. И сам сидит в полуторке с вашими бойцами. Что, черт возьми, происходит? Что за маскарад?

– Вы правы! Маскарад и есть. Мы же сначала хотели по-хорошему договориться. Но, скажу откровенно, надежда на подобный исход у нас была невелика. Поэтому пришлось вот так! С превышением должностных полномочий. Понимаете, опоздай вы лично, ваш штаб и войска вашей армии, с которыми еще есть связь, на одни сутки с отступлением к Семлеву, и ни вас, ни большей части ваших войск не будет. Смерть или плен – вот перспектива. А приказа

из штаба фронта вы в любом случае не дождались бы. Штаб Резервного фронта на данный момент совершенно не знает и не контролирует обстановку. Войска же ваши совсем не будут лишними под Вязьмой, куда будут стягиваться армии и дивизии обоих фронтов. И генерал Ракутин нам нужен живым. Вы задействованы в совершенно секретной операции. Конкретно ее суть и ваши задачи пояснит комиссар. Сейчас мы едем к нему.

Г. Вязьма. Штаб войск охраны тыла Западного фронта

А в это время комиссар Цанава сидел в штабе войск охраны тыла Западного фронта в Вязьме. И сейчас в этот кабинет, где находились он и начальник войск полковник Сухарев, заходили и рассаживались за столом комендант города генерал-майор Никитин, комендант станции Вязьма, начальник управления НКВД по Смоленской области, начальник Вяземского района ПВО.

Дождавшись, когда все рассядутся, комиссар начал совещание.

– Здравствуйте! Для тех, кто меня не знает, представляюсь. Я – начальник особого отдела Западного фронта комиссар государственной безопасности третьего ранга Цанава Лаврентий Фомич. Собрал я вас тут по очень веской причине.

Ситуация на фронте, довожу это только для вас, катастрофическая. Противник вчера захватил мосты в верховьях Днепра и закрепился на плацдармах. На юге в полосе Резервного фронта противник захватил Спас-Деменск. Если не предпринять экстраординарных мер, ориентировочно вечером шестого – утром седьмого наступлением от Хмелиты и Темкино враг захватит Вязьму. И закроет в котле части и соединения Западного и Резервного фронтов, которые сегодня еще сражаются под Ельней и Ярцевым. Взятие врагом Вязьмы – смерть для десятков тысяч красноармейцев и командиров. Вот такая перспектива!

Завтра сюда прибудет командующий 16-й Армией генерал-лейтенант Рокоссовский. Ему командованием фронта приказано оборонять Вязьму и даны соответствующие полномочия. Но это завтра! А пока старший начальник здесь я.

Для нас дорог каждый час. Поэтому я ставлю задачи, уточняем частности и начинаем выполнять. Немедленно! Мы с полковником Сухаревым уже предприняли определенные шаги в этом направлении, все три полка охраны тыла сейчас перемещаются или уже занимают позиции на опасных направлениях – под Хмелитой, севернее Касни и на большаке Вязьма – Знаменка.

– Начнем с вас! – и Цанава указал на начальника управления НКВД по Смоленской области. – Доведите информацию по обстановке до руководства областного партхозактива, обеспечьте охрану и чтобы сегодня же они эвакуировались в тыл. Как минимум в Можайск! Нам они здесь помочь ничем не могут, а создавать нервную обстановку нам не нужно. Это первое!

Второе! Сформируйте из сотрудников стрелковый батальон. Пока он будет в резерве на усмотрение Рокоссовского. Ну, и не ослабляйте борьбу с ракетчиками и шпионами. С вами пока все!

Теперь – железная дорога. Надеюсь, на направление Вязьма – Брянск эшелоны уже не отправляете?

– Да! По железнодорожной связи от наших работников пришло сообщение, что дорога немцами уже перехвачена.

– Тогда еще: с завтрашнего дня прекратить отправку поездов на Сычевку и на Калугу. Все поезда в эти направления разгружать на Вяземском узле. Максимально увеличить вывоз материальных ресурсов, подвижного состава и беженцев на Москву. До восьмого октября! Ориентировочно восьмого октября немцы подойдут к Гжатску, и дорога будет перерезана. Вот письменный приказ вам на эти действия за моей подписью.

Комиссар передал пакет коменданту станции Вязьма.

– Товарищ Никитин! Вам необходимо совместно с комендантом станции подобрать места и обеспечить техникой и людьми разгрузку подходящих с Москвы эшелонов. В ближайшие дни мы будем лишены какого-либо подвоза, а отступившим к Вязьме войскам нужно будет и что-то поесть, и чем-то стрелять. Организуйте население в помощь!

Ваш запасный стрелковый полк отправьте в район Александрино. Он поступает в подчинение командиру пограничного полка, занимающего там оборону. Вот приказ вам.

– Теперь самое сложное! Товарищ полковник! – Цанава обратился к начальнику ПВО Вязьмы. – Доложите нам, какие силы у вас находятся в подчинении в Вязьме и окрестностях.

– Седьмая зенитная бригада, Смоленский и Вяземский бригадные района ПВО, 111-й отдельный зенитный дивизион.

– Сколько орудий?

– Около ста девяноста орудий, не считая крупнокалиберных пулеметов и счетверенных пулеметных установок.

– Я понимаю, что у вас свое командование! Я понимаю, что главной вашей задачей является защита станции фронтового обеспечения железнодорожного узла Вязьма! Но! Немцы сюда придут не с неба, а по земле. Без ваших орудий наши жиденькие, на сегодняшний день, заслоны рубежи не удержат. На сегодня нужны как минимум три дивизиона зенитных пушек, это под Хмелитой, в Александрино и на большаке на Знаменку. Завтра еще один, на Жижале, на дороге Вязьма – Темкино. Далее сказать не могу, это уже решать будет Рокоссовский.

– Вы правильно, товарищ комиссар третьего ранга, сказали, мой главный объект – железнодорожный узел! И защиту его я ослаблять не имею права!

– Знаю! Поэтому и вам отдаю письменный приказ.

– Я сообщу о нем своему командованию.

– И это понятно! Но предупредите их, приказ, отменяющий мой, тоже должен быть письменным. Чтобы можно было потом предметно беседовать с лицами, его подписавшими. После сдачи Вязьмы. А главное, я думаю, раньше чем через сутки такой приказ в Вязьму не прибывает. Эти сутки ваши пушки уже будут стоять на позициях в нужных нам местах. А завтра прибывает генерал Рокоссовский, и прибывает он без войск, всего лишь со штабом своей армии, и наверняка мой приказ продублирует. И его снова можно будет отменить только вашему командованию. Но, я думаю, к тому моменту вопрос будет решен уже в Москве. Получите приказ!

Район Семлева. Полевой учебно-тренировочный лагерь

Часов в 10 утра на базу прибыла на автомашинах рота особого отдела фронта. Таким образом, в лагере уже базировалось две роты, вооруженные легким стрелковым оружием. В составе колонны была «эмка» и броневый автомобиль. Командир роты, осуществлявшей охрану попаданцев, назвал его БА-20. Из «эмки» выбрались двое сотрудников НКВД, сразу направившиеся к старшему на объекте лейтенанту Иванову. Показали ему документы, и лейтенант, обернувшись, подозвал к себе Трофимова.

– Вот, Алексей Федорович, познакомьтесь! Товарищи приехали за вами. Они будут сопровождать вас в Москву.

Трофимов автоматически ответил привычным «Очень приятно!», пожал руки представившихся, тут же забыв их фамилии. Была у него такая особенность – имена и фамилии запоминать только со второго раза.

– Вы готовы?

– Нищему собраться – только подпоясаться. Разрешите с женой и друзьями попрощаться?

– Это можно. И не надо так пессимистично. Не на всю жизнь прощаетесь, – рассмеялись сопровождающие.

Алексей подошел, обнял и поцеловал жену. Пожал руки мужчинам и получил церемониальные поцелуи в щеку от их жен. Затягивать прощание не стал, повернулся и направился к

машине. Уже тронувшись в путь, старший пояснил, что все документы на него, Трофимова, у него с собой, в портфеле. Он похлопал по кожаной сумке. Их задача доставить его в определенное место и ждать там Цанаву, который должен прибыть в Москву 6 октября. Он же привезет с собой все имущество, переданное Трофимовым. Порядок дальнейших действий определит уже комиссар. Бронеавтомобиль, кстати, был выделен для их сопровождения. Для охраны тела Трофимова. Что ему изрядно польстило.

Да! Езда на автомобилях сороковых годов, да по военным дорогам, это не на комфортабельном джипе по асфальту! Пока выбрались на Минское шоссе, синяков на боках Трофимов набил немало. Состояние шоссе было вполне приличным, все же его недавно только построили. Да и машин весом по 40 тонн, способных продавливать асфальт, здесь еще не существовало. Местами на полотне дороги виднелись засыпанные воронки, и вдоль трассы лежали обгоревшие остовы автомобилей. Но в целом скорость движения и комфорт выросли. Около полудня доехали до поворота на Гжатск. Во времена Трофимова на этом перекрестке как раз располагался пост ГИБДД. А сейчас там был оборудован КПП со шлагбаумом и двумя дзотами. У шлагбаума стояли два бойца и командир в зеленых фуражках. Перед шлагбаумом скопились несколько автомобилей и подвод с беженцами – женщинами, детьми и стариками.

Их колонна объехала очередь и остановилась, старший группы пошел с документами к старшему поста. Трофимов, который уже некоторое время ощущал давление в мочевом пузыре, высказал пожелание добежать до кустиков. Второй сопровождающий пошел было с ним, но тут увидел, что к тем же кустикам устремился командир экипажа бронеавтомобиля. Он окликнул его и попросил присмотреть за Трофимовым. Оба заскочили в кусты, и только собрались приступить к исполнению желания, как откуда-то со стороны возник жужжащий звук. Трофимов не придал этому значения. А зря! Потому что секундой позже неожиданно был сбит с ног.

– Да ты, б...ь, совсем о...л, что ли? – прокричал он, упав на землю. Ответить ему не успели. Все перекрыл грохот взрыва. Точнее, двух. Второй уже не был таким громким, наверно, по причине того, что Трофимов оглох от первого. Оглох настолько, что даже не услышал, когда ему предложили встать с земли. Тогда его просто толкнули и знаками показали, что можно встать. Выглянув из-за кустов, Трофимов забыл, зачем сюда приходил.

На месте их машины дымилась воронка, бронеавтомобиль сдавал задом, съезжая с дороги и вламываясь в придорожный кустарник. Ни командира пограничника, ни обоих сопровождающих не было. Их не было вообще! На дороге лежали убитые и раненые. Между ними метались выжившие. Бились в агонии умирающие лошади. Все кричали. Трофимов плохо слышал, но видел это. Остро пахло тротилом, кровью и чем-то еще, что вызывало ужас.

Подбежали бойцы из дзотов, начали помогать раненым. Трофимов с экипажем бронеавтомобиля тоже приняли в этом участие. Через полчаса из Гжатска прибыла санитарная машина. Раненых начали грузить в нее. Еще через полчаса слух к Трофимову начал возвращаться. Одновременно наступило и осознание ситуации. Старший их команды, знавший, куда нужно привезти Трофимова и все документы, хоть как-то объясняющие, кто он есть, погиб. Точнее, попросту исчезли при прямом попадании авиабомбы. Командир бронеавтомобиля, сержант, ничего не знал. Его задача была сопровождать и, в случае необходимости, защищать машину с сотрудниками НКВД. Таким образом Трофимов в Москве был никто и звали его никак. Появилась мысль отмазаться от поездки в Москву, и Трофимов начал ее думать. Объяснив ситуацию буквально на пальцах командиру бронеавтомобиля, Трофимову особого труда не составило уговорить его вернуться в Вязьму. Тот ничего другого просто предложить не мог, поэтому согласился с этим планом.

В итоге Трофимов, забравшись в бронеавтомобиль, забился в угол и затих, раздумывая над своим положением. Откровенно, в бронеавтомобиле было тесновато. Хорошо еще этот экипаж состоял из двух человек. Было бы их трое, было бы совсем худо. В Вязьму прибыли

после трех часов дня. Трофимов в своей попаданческой одежде из-под брони даже не выглядывал. Сержант, расспросив первый же патруль, узнал место расположения НКВД. Город он не знал. Поэтому пришлось Трофимову подсказывать маршрут движения. Благо названия улиц в городе не менялось. Подъехав туда, обнаружили там нервную суету. Грузились машины, строились и куда-то уходили подразделения, метались посыльные. В общем, всем было не до неизвестного броневика. Сержант попытался уточнить у дежурного, где находится комиссар третьего ранга. Дежурный этого не знал. Сказал, что утром был в городе, проводил совещание, а потом уехал.

Сержант выказал желание вернуться в свое подразделение. На что Трофимов возразил, что задание еще не выполнено. Сержант предложил передать Трофимова тому же дежурному НКВД. Раз сотрудники НКВД его везли, пусть они и разбираются. Трофимову пришлось сделать важный вид и объяснить сержанту, что он настолько ценен, что даже не всем сотрудникам НКВД можно его показывать. Поэтому раз случилась такая неудача с доставкой такого ценного человека, как он, в Москву, значит, нужно вернуть его на место, откуда взяли.

Дело уже шло к вечеру, поэтому сержант согласился, и они поехали в лагерь. Приехали туда в сумерках, но – увы! – лагерь был пуст. Сержант сильно расстроился, но Трофимов убедил его, что знает, куда все переместились.

Снова в дорогу! Проехали Семлево. На улицах многолюдно. Большинство военные, но много и беженцев. Далее, двигаясь в сторону Хватова Завода и проезжая Колодезное, увидели впереди взлетающие ракеты и очереди трассеров. Остановились, заглушили мотор. Впереди шел бой. Сержант предлагал либо объехать это место другим маршрутом, либо вернуться в Семлево, опасаясь неизвестности. Трофимов, чувствуя сердцем, что там сейчас его жена и друзья, настаивал двигаться на помощь. Вздыхнув, сержант согласился, сразу заняв место пулеметчика. Тронулись. Трофимов выпросил у сержанта наган. Никогда не держал и тем более не стрелял из него, но все когда-нибудь происходит в первый раз. Выслушал короткий инструктаж по правилам пользования наганом.

При подъезде к деревне Малое Жуково на берегу Кореи увидели в тусклом свете светомаскировочных фар стоящую на дороге колонну грузовиков. От колонны вышел боец, жестом приказывая остановиться. Остановились. Оказалось, это именно та колонна, которая шла из лагеря к порталу. В Жуково охранение колонны наткнулось на разведподразделение немцев, неведь как забравшееся в наш тыл. Они там расположились на ночлег, и тут неожиданно появилась советская колонна. Роты спешили и сейчас атакуют деревню. Немцы отбиваются. Подробности водитель, оставленный охранять машины, не знает.

– Вперед! – Трофимовым овладел азарт, плюс его пугала неизвестность с женой и друзьями.

– Я тут командир! – насутился сержант.

– Товарищ сержант! Перед вами старший лейтенант войск госбезопасности! И не важно, что мои документы погибли. Звания меня никто не лишал. Поэтому сейчас я тут командую.

Сержант хотел возразить, но в итоге махнул рукой и снова забрался на место пулеметчика.

– Вперед! – повторил команду Трофимов.

Прибытие бронеавтомобиля решило исход боя. Немцев все равно бы одолели, но потерь было бы больше.

Но! Ни жены, ни друзей здесь не оказалось. Когда начался бой, лейтенант Иванов машины попаданцев под охраной двух полуторок и взвода пограничников увел к порталу другой дорогой. Они пересекли поле, севернее вышли на дорогу и далее по маршруту Большое Петрово – Папоротное через Пустьково двинулись на Хватов Завод. Роты, закончив бой, должны были следовать туда же.

Было взято пятнадцать пленных, в большей степени раненых. Пришлось их брать с собой. Предварительно, на всякий случай, связав и завязав глаза. Хотя была ночь, но на всякий случай.

Район д. Хватов Завод

Колонну на подступах к portalу остановил пост охраны. Оpozнавшись, продолжили движение. Слева от портала под деревьями в темноте угадывалась палатка, от которой к колонне подходили люди. Но Алексея интересовало другое, он увидел свой родной «Таракан» и двинулся к нему. Вроде меньше суток назад расстались с женой и друзьями, а кажется, это было так давно. Этот день вместил в себя так много событий! Уже подходя, в неясных бликах света он разглядел фигурку жены. Созорничал, зашел сзади и закрыл ее глаза ладонями. Но все испортил Саша Сараев.

– Леша! Ты тут откуда?

– Оттуда! – пришлось открыться Алексею, отвечая на поцелуй мгновенно повернувшейся жены. Его окружили друзья, радостно хлопая по плечам и спине.

– Кто это тут? Товарищ Трофимов? – неожиданно раздался голос. И после секундной паузы: – Объяснитесь, почему вы здесь?

Сзади от палатки подошел Воистинов и какой-то незнакомый военный, которого в темноте Алексей не разглядел.

– И вам добрый вечер, Филипп Васильевич! Даже хорошо, что вы подошли именно сейчас, меньше придется рассказывать.

И Трофимов пересказал сегодняшние приключения.

– Значит, Федор Ермолаевич погиб, – констатировал майор. И тут же, обернувшись, пояснил военному, стоявшему за его плечом: – Старший батальонный комиссар Ермолаев, заместитель начальника особого отдела Западного фронта. Комиссар поручал ему доставить товарища Трофимова в Москву. Но вот... так получилось.

Военный молча кивнул.

– Простите, я вас не представил. Вот, товарищ генерал-майор, это и есть те люди, назвавшиеся попаданцами. А это генерал-майор Ракутин Константин Иванович.

– О как! Товарищ комиссар не по-детски зажигает! Сразу как просек ситуацию, начал менять историю! – не выдержал и перешел на сленг начала XXI-го века Трофимов.

И тут же начал пояснять свои эмоции.

– Друзья! Разрешите вам представить легендарного человека! Командующий 24-й Армией Резервного фронта генерал-майор Ракутин. Армия штурмовала и брала Ельню. Первые гвардейские дивизии Красной, затем Советской Армии, – это его дивизии. Но не это вызвало мои такие бурные эмоции! Дело в том, что при прорыве в район Семлева остатков армии и штаба Константин Иванович в нашей истории героически погиб. И его могилу сумели отыскать только, кажется, в 2010 году. И вот теперь он здесь, а значит, будет жив.

– Вот как! – озадаченно произнес в ответ генерал.

– Вообще-то эту информацию я хотел сообщить позже, при знакомстве всех причастных к деталям нашего плана, – недовольно заметил Воистинов.

Но его замечание уже никто не слушал, попаданцы один за другим представлялись Ракутину, не забывая его поздравить. Тот, почему-то смущаясь, благодарил в ответ и пожимал руки.

– Так! Товарищи Трофимов, Гладкий, Богомоллов и товарищ генерал! Прошу у всех остальных прощения, но нам нужно серьезно поговорить. Давайте отойдем в сторону.

Посвящение в план комиссара заняло минут пятнадцать. Этот план был составлен комиссаром на основе информации, которую дал ему Трофимов. Алексей просто, так сказать, по полочкам разложил, кто есть кто его друзья и их возможности на сегодняшний день, исходя из интересов сложившейся ситуации. Получив от друзей необходимые пояснения и уяснив тонкие

моменты предстоящих шагов, майор в конце обратился уже к Трофимову, сильно расстроив его при этом:

– Ваши товарищи и ваша жена сейчас уедут, а нам, Алексей Федорович, придется остаться. Завтра с утра отвезу вас к комиссару. Пусть решает, что с вами дальше делать. А сейчас прощайтесь. Остальных я никого не задерживаю. Работаем по нашему плану.

И майор ушел в темноту, туда, где позвякивали лопаты, слышались негромкие голоса и иногда вспыхивали огоньки папирос.

Трофимов, снова расстроенный, вместе со всеми двинулся к своей машине, но его остановил Андрей.

– Алексей Федорович! Ты ж еще не в курсе, какой подвиг твоя жена совершила!

– А что случилось?

– Понимаешь, едем мы. Ночь! Ни хрена не видно из-за огромного капота твоего «Таракана». Противотуманки светят там, где-то внизу. Тут впереди стрельба. Остановились. Личный состав спешился. Мы тоже фары погасили, двигатель заглушили, а куда бежать, не знаем. И оружия нет! В этот момент я натурально почувствовал себя голым. Хотя б какой-нибудь «макаров» под рукой иметь, и то уже спокойнее было бы. Минут через пять Иванов подошел, объяснил ситуацию и дал команду выдвигаться полем на другую дорогу. А впереди стрельба уже в полный рост! Свернули, едем! Дозорная машина ушла метров на двести вперед. Едем по ее следу. И вдруг впереди прямо на колее стоят двое деток. И рядом кто-то лежит. Она останавливается, выскакивает из машины и бегом к этим детям. А повыше так, над полем, трассеры небо полосуют. Мы от деревни, где бой идет, ну может метров двести – триста. Я тоже за ней. Подбегаем, стоят мальчик и девочка. Годика по три-четыре, не больше. Смотрят на нас и пытаются женщину поднять. Лара хватает обоих детишек под мышки и бегом к машине. Я проверил женщину, жива, но без сознания. Поташил ее тоже к машине. Откуда они тут в поле, не пойму. Загрузились, я с детьми на коленках на переднем сиденье. Тут Сергей с Ольгой подбежали. Сергей и Лара вытащили аптечки. Инну мою и меня отправили к Сергею в машину, а Ольга с раненой женщиной сзади в твоей расположилась. Она ее бинтовать начала. У нее сквозное ранение предплечья.

Меня в этом поразило поведение твоей жены. Ни секунды сомнения! Остановилась и сразу бегом к детям. Я даже и понять не успел, чисто автоматически за ней побежал.

Так что твоя машина сейчас санитарной является. Как раз как ты подошел, мы решили опустить сиденья задние, наломать еловых веток, застелить тряпкой, которая у тебя сзади в багажнике постелена, и положить туда раненую.

Пока Андрей рассказывал, дошли до машины. Дверь багажника «Таракана» была поднята, и в нем при неяркой подсветке салона Алексей увидел лежащую женщину и суетящихся возле нее Ольгу и девушку-санитарку одной из рот. Трофимов поздоровался и спросил, где его жена.

– Она у нашей машины. С детьми, – ответив на приветствие, подсказала Ольга.

Действительно, у машины Богомолова, тихонько переговариваясь, стояли Лариса и Инна. Инна была без куртки, зябко охватив себя руками. Андрей тут же снял и накинул на ее плечи свою.

Трофимов чмокнул Инну в подставленную щеку и поцеловал жену.

– Что тут? – уточнил он, кивнув на виднеющиеся в салоне автомобиля детские головы.

– Да сами не знаем, то ли замерзли, то ли от страха трясутся. Инна, вон, куртку отдала, закутала их, а все равно дрожат. И молчат. Ты прости, нам нужно скорей уезжать, их мать крови много потеряла, нужно хирургу показать, да и холодно уже, салон машины остывает.

Они отошли поговорить. Через несколько минут к машинам подошли Воистинов, Ракутин, Иванов и незнакомый крепкий боец с вещмешком за плечами и чемоданом в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.